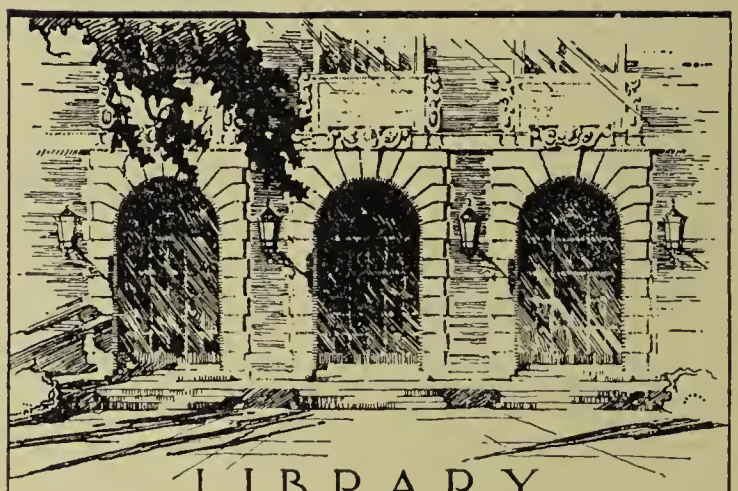

LIBRARY
OF THE
UNIVERSITY
OF ILLINOIS

891.73
Od52
IR81

The person charging this material is responsible for its return to the library from which it was withdrawn on or before the **Latest Date** stamped below.

Theft, mutilation, and underlining of books are reasons for disciplinary action and may result in dismissal from the University.

UNIVERSITY OF ILLINOIS LIBRARY AT URBANA-CHAMPAIGN

MAY 1 9 1977

L161—O-1096

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

СТИХОТВОРЕНІЙ

КНЯЗЯ

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВИЧА ОДОЕВСКАГО

(ДЕКАБРИСТА).

СОБРАЛЪ

БАРОНЪ АНДР. ЕВГ. РОЗЕНЪ.

(Съ дополненіями и примѣчаніями издателей, портретомъ и fac simile князя А. И. Одоевскаго).

«C'est un mort destiné à renaître».

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи А. А. Краевскаго (Басейная, № 2).

1883.

PRINTED IN RUSSIA

Дозволено цензурою. Санктпетербургъ, 24-го ноября 1882 г.

Фототипія В. Штейнъ и К° С.П.Б.

Князь А. И. Одоевскій.

Пора отдать себя и смерти и забвенью!
Но тѣмъ-ли, послѣ бурь, намъ будетъ смерть красна,
Что насъ не сѣвера угрюмая сосна,
А южный кипарисъ своей покроетъ тѣнью? —

1837го года
въ Октябрѣ.

Дозволено цензурою

Фототипія В. Штейнъ и К°.

891.73
Od52
IR81

СТИХОТВОРЕНІЯ

КНЯЗЯ АЛЕКСАНДРА ИВАНОВИЧА ОДОЕВСКАГО

(ДЕКАБРИСТА).

Gen. Lit. Slavic

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стран.
Біографическій очеркъ	7—15
Послѣдніе дни князя А. И. Одоевскаго.....	10—20
1) Полночь въ петропавловской крѣпости, 1826 г.	21
2) Сонъ поэта.....	23
3) Дума узника, элегія, 1827 года.....	24
4) Мой непробудный сонъ, 1827 года.....	26
5) Луна, экспромтъ, 1827 года	27
6) Къ отлетѣвшей, 1828 года.....	28
7) На смерть А. С. Грибоѣдова, 1829 года...	29
8) Элегія: «Что вы печальны, дѣти сновъ», 1830 года	31
9) Умирающій художникъ, на смерть Веневитинова, 1831 года.....	36
10) Сенъ-Бернаръ, 1831 года.....	38
11) Колыбельная пѣсня въ петровской тюрьмѣ, 1832 года	41
12) Липа, 1832 года	43

СТРАН.

13) Послѣдняя надежда, 1832 года..... 45
14) Въ альбомъ: «Пусть нѣжной думой», въ Ишимѣ, 1836 года..... 46
15) А. М. Янушкевичу, въ Ишимѣ, 1836 года... 47
16) Ему же: «Ты знаешь ихъ, кого я такъ любилъ», 1836 года..... 49
17) Посланіе къ отцу, 1836 года..... 50
18) Рѣка Усьма, 1837 года 53
19) Экспромтъ: «Куда несетесь вы, крылатыя станицы?» 1837 года..... 55
20) Пѣсня М. В. Вольховской, въ Пятигорскѣ, 1838 года 57
21) Моя Пери, изъ Кархагачи, въ Грузіи, 1838 г. 59
22) На проѣздъ наслѣдника престола, цесаревича Александра Николаевича въ 1837 году. 60
Памяти А. И. Одоевскаго, М. Ю. Лермонтова, 1839 года..... 66
19-е октября, А. С. Пушкина, 1828 года.... 70
Подражаніе XIII-й главѣ посланія къ коринѳянамъ, Павла Сергѣевича Бобрищева-Пушкина II-го, въ читинскомъ острогѣ, 1828 года... 72
Изгнанникъ къ своимъ родителямъ, его же, 1830 года..... 77
Дополненія и послѣсловіе Г. И. Данилевскаго:
I. Чалма (Отрывокъ изъ повѣсти). А. С. Пушкину..... 81

	стран.
II. Балъ (князю П. А. Вяземскому).....	85
III. На пріѣздъ въ Сибирь къ жениху (Э. П. Ивашевой).....	87
IV. Славянскія дѣвы.....	89
V. Къ ***	92
VI. Экспромтъ: «Звучитъ вся жизнь, какъ звонкій смѣхъ».....	93
VII. Охлажденіе	94
VIII. «Ты знаешь ихъ?»	95
IX. Два образа	96
XI. Послѣдняя надежда (Е. А. Баратынскому).....	100
XII. Въ альбомъ М. Н. Волконской.....	102
XIII. Роза и соловей.....	104
XIV. На смертъ графа П. П. Коновницына..	105
XV. На пріѣздъ въ Сибирь Наслѣдника Цесаревича.....	107
XVI. «Склонясь рукой на грань Урала».....	109
XVII. «Вдругъ надъ высями Урала».....	111
XVIII. «Итакъ, исполнены желанья!».....	113
XIX. Поэзія	115
XX. А. М. П—ой.....	118
XXI. Лавина.....	119
XXII. Глетшеръ.....	122
XXIII. Бракъ Грузіи съ Русскимъ Царствомъ.	124
XXIV. «Зачѣмъ ночная тишина».....	126
XXV. Василько̀	128

СТРАН.

Письма и посланіе:

1) Письмо А. С. Грибоѣдова къ князю А. И. Одоевскому, 1826 года..... 187

2) Письмо князя А. И. Одоевскаго, 1829 года 189

3) Письмо князя Ивана Одоевскаго къ М. А. Назимову, 1837 года..... 191

4) Письмо князя А. И. Одоевскаго къ М. А. Назимову, 1839 года..... 192

5) Посланіе А. С. Грибоѣдова къ князю А. И. Одоевскому..... 194

Послѣсловіе 197

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

Князь Александръ Ивановичъ Одоевскій родился въ 1803 году и получилъ образованіе въ родительскомъ домѣ. На 22-мъ году жизни, въ чинѣ корнета конной гвардіи, былъ онъ арестованъ за принятіе участія въ возстаніи 14-го декабря 1825 года, посаженъ въ петропавловскую крѣпость, осужденъ въ каторжную работу на 15 лѣтъ, отправленъ, въ 1827 году, въ читинскій острогъ, а оттуда чрезъ четыре года въ петровскую тюрьму, за Байкаломъ же *).

По случаю рожденія великаго князя Михаила Николаевича въ 1832 году, былъ онъ по высочайшему повелѣнію осво-

*) При балагинскомъ желѣзномъ заводѣ. *Примѣч. изд.*

божденъ отъ каторги и поселенъ въ Тельмѣ, близъ Иркутска *). Послѣ смѣны генерала-губернатора Восточной Сибири А. С. Лавинскаго, просилъ онъ о перемѣщеніи въ Западную Сибирь, въ Курганъ; но какъ въ этомъ городѣ тогда уже было шесть поселенныхъ декабристовъ, то перевели его въ сосѣдній городъ, въ Ишимъ.

Въ 1836 году написалъ онъ примѣчательное посланіе къ отцу; оно было графомъ Бенкендорфомъ представлено Государю и такъ понравилось, что повелѣно было перевести сибирскаго поселенца изъ Ишима пустыннаго, рядовымъ солдатомъ на Кавказъ, для выслуги.

Въ 1839 году, находясь въ военной экспедиціи на восточномъ берегу Чернаго Моря, заболѣлъ онъ эпидемическою горячкою, и 15-го августа, въ присутствіи Н. А. Загорѣцкаго и К. Евс. Игельстрома, товарищей читинскихъ,

*) Въ 62-хъ верстахъ отъ Иркутска. *Примѣч. С. В. Максимова.*

отдалъ Богу послѣдній вздохъ безпредѣльной любви.

Кругъ его жизни былъ до крайности стѣсненъ, сперва холодною и сырою каменною стѣною въ петропавловской крѣпости, потомъ бревенчатою оградою высокаго частокола въ Читѣ, затѣмъ петровскою тюрьмою за Байкаломъ, послѣ того на поселеніи безвыѣзднымъ пребываніемъ въ уѣздномъ городкѣ и, наконецъ, въ солдатскомъ строю въ храбромъ нижегородскомъ драгунскомъ полку.

Съ такимъ формулярнымъ спискомъ какихъ можно было ожидать занимательныхъ или важныхъ дѣлъ? Однако, кромѣ исторіи или повѣствованія о великихъ событіяхъ, есть исторія сердца, достигающая широкихъ размѣровъ въ самой тѣсной темницѣ, а сердце Одоевскаго было обильнѣйшимъ источникомъ чистѣйшей любви; оттого онъ всегда и вездѣ сохранялъ духъ бодрый, веселый и снисходительный къ слабостямъ своихъ ближнихъ. Онъ былъ хорошо обра-

зованъ, щедро одаренъ превосходною памятью, съ положительнымъ дарованіемъ поэзіи. Въ первой своей молодости, въ привольной еще жизни, былъ онъ другомъ А. С. Грибоѣдова и пользовался особеннымъ уваженіемъ многихъ современныхъ литераторовъ молодыхъ кружковъ.

А. И. Одоевскій былъ въ высшей степени нравственный человѣкъ, какъ до ссылки, такъ равно и на поселеніи и во время солдатской жизни: онъ былъ христіанинъ безъ ханжества, безъ фарисейства, съ философическими воззрѣніями Канта и Фихте. Въ частной дружеской бесѣдѣ любимымъ предметомъ его были разсужденія о безсмертіи души отдѣльнаго лица и о безсмертіи общемъ всего рода человѣческаго. Страстно любилъ онъ родину, народъ и свободу въ высокомъ смыслѣ общаго блага и порядка.

Въ читинской нашей домашней академіи имѣлъ онъ случай выказать свое

образцовое знаніе русской словесности. Въ долгіе зимніе вечера, для развлеченія и поученія, нѣсколько товарищей-спеціалистовъ согласились читать лекціи: Никита Муравьевъ — стратегіи и тактики, Ф. Б. Вольфъ—химіи и физики, П. С. Бобрищевъ-Пушкинъ—прикладной и высшей математики, А. О. Корниловичъ и П. А. Мухановъ—русской исторіи, А. И. Одоевскій—русской словесности, К. П. Торсонъ—астрономіи; мнѣ пришлось пояснять личное освобожденіе крестьянъ прибалтійскихъ губерній изъ крѣпостной зависимости, безъ надѣловъ земли, безъ всякихъ выкупныхъ договоровъ, но съ общимъ правомъ пріобрѣтенія земельной собственности по обоюднымъ соглашеніямъ.

А. И. Одоевскому, въ очередной день, слѣдовало читать о русской литературѣ: онъ сѣлъ въ углу съ тетрадью въ рукахъ, началъ съ разбора пѣсни о походѣ Игоря, продолжалъ нѣсколько вечеровъ и довелъ лекціи до состоянія

русской словесности въ 1825 году. Окончивъ послѣднюю лекцію, онъ бросилъ тетрадь на кровать, и мы увидѣли, что она была бѣлая, безъ замѣтокъ, безъ чиселъ хронологическихъ, и что онъ все читалъ на память. Упоминаю объ этомъ обстоятельствѣ не какъ о подвигѣ или о желаніи выказаться, но, напротивъ того, какъ о доказательствѣ, до какой степени онъ избѣгалъ всякихъ писаній; можетъ быть, онъ держалъ пустую тетрадь въ рукахъ для контенанса; въ первую лекцію, воспламенившись вдохновеніемъ, онъ изрѣдка краснѣлъ, какъ бывало съ нимъ при сочиненіи рифмованныхъ экспромптовъ; въ числѣ слушателей были любопытные, желавшіе научиться, но были и знатоки предмета нисколько не слабѣе его.

Въ моихъ «Запискахъ», напечатанныхъ въ Лейпцигѣ, описалъ я, какъ одинъ часъ въ недѣлю онъ занимался со мною преподаваніемъ правилъ отечественнаго языка, написанныхъ имъ соб-

ственною рукою, между тѣмъ, какъ онъ съ полнымъ отрицаніемъ самолюбія никогда не писалъ своихъ стиховъ, но охотно диктовалъ ихъ, кромѣ колыбельной пѣсни, сыну моему Кондратію, и другой пѣсни для сына моего Евгенія, и эпилога, посвященнаго мнѣ: «Послѣдняя надежда». Велика была его радость, когда въ ошибкѣ мною употребленнаго слова я указывалъ на академическое правило, а онъ, опровергая его, повторялъ торжественно: «Логика выше и важнѣе всякой академіи!»

Въ этомъ собраніи его стихотвореній помѣщаю посланіе М. Ю. Лермонтова «Памяти А. И. Одоевскаго», потому что оно имѣетъ великое достоинство въ описаніи характера одного изъ добрѣйшихъ и честнѣйшихъ моихъ товарищей. Оно превосходно изображаетъ чистоту его души, спокойствіе духа, скорбь не о своихъ страданіяхъ, но о страданіяхъ человѣка. Можетъ быть, онъ даже любилъ свое страданіе въ

христіанскомъ духѣ, въ преданности общему дѣлу.

Весьма жаль, что нѣтъ вѣрнаго портрета его; въ то время не было фотографіи. Нарисованный портретъ Н. А. Бестужевымъ 1-мъ, акварельный, похожъ по складу лица, но выраженіе и глаза непохожи: они какъ-то прищурены, а его взглядъ былъ открытый, живой, умный. Роста былъ средняго, походка была непринужденная, голосъ пріятный, рѣчь плавная, живая, смѣхъ былъ звучный, веселый и сердечный.

Краткость этого біографическаго очерка вызвана силою обстоятельствъ и жизнью изгнанника, безъ всякой надежды на земныя радости и безъ личнаго участвованія въ общихъ дѣлахъ, между тѣмъ, какъ въ немъ были положительные задатки къ славѣ и пользѣ отечества.

Собранныя мною стихотворенія А. И. Одоевскаго были имъ самимъ прочтены въ моей памятной книжкѣ, въ Пятигор-

скѣ, въ 1838 году, за годъ до его кончины. Къ своему экспромту, сочиненному на пути—когда онъ съ М. А. Назимовымъ ѣхалъ на Кавказъ и близъ Ставрополя увидѣли цѣпь кавказскихъ горъ — прибавилъ онъ собственноручно послѣднее четырестишіе, и самъ ставилъ знаки препинанія ко всѣмъ своимъ пьесамъ. Прилагаю къ сему сборнику это четырестишіе въ подлинникѣ, для снимка его почерка, fac simile. Прилагаю еще фотографическую копію съ бестужевскаго акварельнаго портрета А. И. Одоевскаго.

Баронъ Андрей Розенъ.

Викнино.

2-го октября 1881 г.

ПОСЛѢДНІЕ ДНИ КНЯЗЯ А. И. ОДОЕВСКАГО.

По собраннымъ мною свѣдѣніямъ, особенно же чрезъ посредство П. Н. Свистунова, разспросившаго во всей подробности присутствовавшаго при кончинѣ умирающаго, нашего товарища Н. А. Загорѣцкаго, нынѣ доживающаго свой вѣкъ въ Москвѣ, могу сообщить достовѣрно слѣдующія обстоятельства.

Въ 1839 году, А. И. Одоевскій находился въ военной экспедиціи на восточномъ берегу Чернаго Моря, въ сборномъ отрядѣ подъ начальствомъ генерала Н. Н. Раевскаго. Отрядъ состоялъ изъ полковъ навагинскаго, тенгинскаго, изъ двухъ ротъ кабардинскаго, нѣсколькихъ казачьихъ сотенъ, сапернаго батальйона. Въ отрядѣ находились также товарищи Одоевскаго — Н. А. Загорѣцкій,

М. М. Нарышкинъ, баронъ А. И. Черкасовъ, Н. И. Лореръ, В. Н. Лихаревъ и К. Евст. Игельстромъ. Жары стояли нестерпимые и свирѣпствовали желчныя горячки вдоль морскаго берега между Субаши и Сочи, гдѣ приходилось укрѣпить и перестроить фортъ Лазаревскій. По окончаніи экспедиціи, многіе разъѣхались, кто въ Прочный Окопъ, кто въ Анапу, кто въ Тамань, по штабквартирамъ своихъ полковъ. Остались въ фортѣ Лихаревъ, Игельстромъ, Загорѣцкій и Одоевскій, который, прощаясь съ отъѣзжавшими товарищами, замѣтилъ Загорѣцкому: «Мы остаемся на жертву горячкѣ». У Одоевскаго часто собирались по вечерамъ, кромѣ товарищей его, всѣ состоящіе въ штабѣ Раевскаго, въ числѣ которыхъ былъ и Левъ Серг. Пушкинъ, братъ поэта, съ которымъ Одоевскій велъ нескончаемыя бесѣды о поэзіи и современной литературѣ и былъ постоянно бодрый и веселый.

5-го августа былъ онъ у всенощной

въ полковой церкви; Загорѣцкій встревожился, увидѣвъ лицо его необыкновенно раскраснѣвшимся, и считалъ это дурнымъ признакомъ. На другой день, 6-го августа, Одоевскій слегъ. Въ недостроенной казармѣ приготовили для него помѣщеніе въ одной комнатѣ; до этого пролежалъ онъ три дня въ походной палаткѣ, но не переставалъ быть веселымъ и разговорчивымъ и нисколько не сознавалъ опасности своего положенія, читалъ импровизованные стихи на счетъ молодаго неопытнаго лекаря. Въ день успенія, 15-го августа, въ 3 часа пополудни, прислуга отлучилась; Загорѣцкій остался одинъ съ больнымъ, которому понадобилось присѣсть на кровать. Загорѣцкій помогъ ему, придерживая его; вдругъ онъ, какъ снопъ, свалился на подушку, такъ что, при всей своей силѣ, Загорѣцкій не могъ удержать его; призвали лекаря и фельдшера; они рѣшили, что больной скончался.

Когда похолодѣвшее тѣло положено

было на столъ, то увидѣли на лбу выступившую сильную испарину, такъ что Игельстромъ сталъ увѣрять, что больной еще живъ. Однако, скоро удостовѣрились въ противномъ. При отпѣваніи присутствовали всѣ знавшіе и любившіе его; ихъ собралось множество, въ томъ числѣ и полковой командиръ навагинскаго полка, полковникъ Полтининъ, и проводили до самой могилы. Въ вѣрности этихъ подробностей никакого не можетъ быть сомнѣнія; но касательно могилы его есть разногласныя мнѣнія: одни увѣряютъ, что, весною 1840 года, горцы овладѣли фортами, построенными на восточномъ черноморскомъ берегу, гдѣ эпидемія значительно уменьшила личный составъ гарнизона. Непріятель нетолько перерѣзалъ въ фортахъ весь гарнизонъ, но и вырылъ изъ земли мертвыя тѣла и бросилъ ихъ на съѣденіе шакаламъ. Другое преданіе гласитъ, что между этими дикими горцами былъ начальникомъ офицеръ, бывшій прежде въ русской

службѣ, знавшій лично Одоевскаго и его могилу, удержалъ неистовыхъ враговъ, почтившихъ ее, когда услышали, чей прахъ въ ней покоится.

I.

ПОЛНОЧЬ.

Въ каземать петропавловской крѣпости, въ Петербургѣ, въ ночь свѣтлой седьмицы 1826 года.

Пробила полночь... Грянулъ громъ,
И грохотъ радостный раздался:
Отъ звона воздухъ колебался,
Отъ пушекъ, въ сумракѣ ночномъ,
По небу зарева бѣжали
И, разлетаяся во тьмѣ,
Меня, забытаго въ тюрьмѣ *),
Багровымъ свѣтомъ освѣщали.
Я, на колѣняхъ стоя, пѣлъ;
Съ любовью къ небесамъ свободный взоръ летѣлъ...
И серафимовъ тьмы внезапно запылали
Въ надзвѣздной вышинѣ;
Ихъ пѣсни слышалися мнѣ.
Съ ихъ гласомъ всѣ міры гармонію сливали.
Средь горнихъ силъ воскресшій Богъ стоялъ,
И день, блестящій день сіялъ
Надъ сумраками ночи;

*) По спискамъ М. А. Назимова и князя П. А. Вяземскаго—«*поющаго* въ тюрьмѣ». *Примѣчаніе изд.*

Стоялъ Онъ радостный средь волнъ небесныхъ силъ
И полныя любви, божественныя очи
На міръ спасенный низводилъ.
И славу Вышняго, и на землѣ спасенье
Я тихимъ гласомъ воспѣвалъ
И мой, мой также гласъ къ Воскресшему взлеталъ:
Изъ гроба пѣлъ я воскресенье.

II.

СОНЪ ПОЭТА.

Въ каземате петропавловской крѣпости, 1826.

Таится звукъ въ безмолвной лирѣ,
Какъ искра въ темныхъ облакахъ;
И пѣснь незнаемую въ мірѣ
Я вылью въ огненныхъ словахъ.
Въ темницѣ есть пѣвецъ народный;
Но — не поетъ для суеты:
Скрываетъ онъ душой свободной
Небесъ безсмертные цвѣты;
Но похвалой необольщенный,
Не ищетъ ранняго вѣнца. —
Почтите сонъ его священный,
Какъ предъ борьбою сонъ борца.

III.

ЭЛЕГІЯ.

ДУМА УЗНИКА.

Въ каземат петропавловской крѣпости, 1827 года, предъ отправкой.

Какъ много сильныхъ впечатлѣній
Еще душѣ недостаетъ!
Въ тюрьмѣ минула жизнь мгновеній,
И медленъ и тяжёлъ полётъ
Души моей, необновленной
Явленій новыхъ красотой;
И дней темничныхъ чередой,
Безъ сновъ любимыхъ усыпленной,
Прошли мгновенья бытія
И на землѣ настала вѣчность.
Однообразна жизнь моя,
Какъ океана безконечность.
Но онъ кипитъ... свои главы
Подъемлетъ онъ на вызовъ бури,
То отражаетъ сводъ лазури
Бездоннымъ сводомъ синевы,
Пылаетъ въ заревахъ, кровавый

Онъ брани пожираетъ слѣдъ;
Шумитъ въ отвѣтъ на громы славы
И клики радостныхъ побѣдъ.
Но мысль моя — едва живая —
Течётъ, въ себѣ не отражая
Великихъ міра перемѣнъ;
Все прежній міръ она объемлетъ,
И за оградой душныхъ стѣнъ —
Востока узница — не внемлетъ
Восторгамъ западныхъ племенъ.

IV.

МОЙ НЕПРОБУДНЫЙ СОНЪ.

Въ читинскомъ острогѣ, 1827 года.

Еще твой образъ свѣтлоокій
Стоитъ и дышетъ предо мной;
Какъ въ душу онъ запалъ глубоко!
Тревожитъ онъ ея покой.

Я помню грустную разлуку:
Ты мнѣ на мой далекій путь,
Какъ старый другъ, пожала руку
И мнѣ сказала: «не забудь!»

Тебя я встрѣтилъ на мгновенье,
На вѣкъ разстался я съ тобой!
И все — какъ сонъ! Ужель видѣнье —
Мечта души моей больной?

Но если только сновидѣнье
Играетъ бѣдною душой,
Кто дастъ мнѣ сонъ, безъ пробужденья?
Нѣтъ, лучше смерть и образъ твой!

V.

ЭЛЕГІЯ.

ЛУНА.

Въ читинскомъ острогѣ, во дворѣ, окруженномъ частоколомъ. Экспромтъ во время прогулки послѣ заката солнца, 1827 года.

Всталъ вѣтеръ съ запада: сѣдыми облаками
Покрылъ небесъ потухшій океанъ.
Сквозь тонкій видишь ли туманъ,
Какъ, увлекаемый волнами,
Челнокъ летаетъ золотой?
Вотъ онъ исчезъ... блеснулъ... вотъ скрылся за волной,
Вотъ снова онъ и выплылъ и сіяетъ,
И ангелъ свѣтлыхъ звѣздъ кормиломъ управляетъ.

VI.

КЪ ОТЛЕТѢВШЕЙ.

Въ читинскомъ острогѣ, въ 1828 году.

Тебя ужь нѣтъ, но я тобою
Еще дышу;
Туда, въ лазурь, я за тобою
Спѣшу, спѣшу!
Когда же ласточкой взовьюсь я
Въ тотъ лучшій міръ,
Растаю и съ тобою сольюсь я *)
Въ одинъ эѳиръ —
Чтобъ съ неба пасть росой жемчужной,
Алмазомъ слезъ
На бѣдный міръ **), гдѣ крестъ я дружно
Съ тобою несъ.
Но на землѣ, блеснувъ слезами,
Взовьюся вновь ***)
Туда, гдѣ вѣчными зарями
Блеститъ любовь.

*) По тексту «Отеч. Записокъ» это стихотвореніе названо: «*Матери*» (1841 г. т. XVII-й) и въ немъ напечатано: «*взовьюся*» и «*сольюся*».

**) Тамъ же: «*На землю ту*».

***) Тамъ же — болѣе правильно:

«*И, на землю блеснувъ слезою,*
«*Взовьемся вновь*
«*Туда...*» и проч. *Примѣч. изд.*

VII.

ДУМА

НА СМЕРТЬ

Александра Сергѣевича Грибоѣдова.

Написана въ читинскомъ острогѣ, въ 1829 году.

Гдѣ онъ? — Гдѣ другъ? — Кого спросить?
Гдѣ духъ?.. Гдѣ прахъ?.. Въ краю далекомъ!
О, дайте горькихъ слезъ потокомъ
Его могилу оросить,
Ее согрѣть моимъ дыханьемъ!
Я съ ненасытимымъ страданьемъ
Вопьюсь очами въ прахъ его;
Исполнюсь весь моей утратой,
И горсть земли, съ могилы взятой,
Прижму, какъ друга моего.
Какъ друга!.. онъ смѣшался съ нею,
И вся она родная мнѣ.
Я тамъ одинъ съ тоской моею,
Въ ненарушимой тишинѣ,
Предамся всей порывной силѣ,
Моей любви, любви святой

И прирасту къ его могилѣ,
Могилы памятникъ живой.
Но подъ иными небесами
Онъ и погибъ и погребенъ;
А я въ темницѣ! Изъ-за стѣнъ
Напрасно рвуся я мечтами:
Онѣ меня не донесутъ,
И капли слезъ съ горячей вѣжды
Къ нему на дернъ не упадутъ.
Я въ узахъ былъ; но нѣтъ надежды
Взглянуть на взоръ его очей,
Взглянуть — сжать руку, звукъ рѣчей
Услышать на одно мгновенье...
Живило грудь, какъ вдохновенье
Восторгомъ полнило меня!
Не измѣнилось заточенье;
Но отъ надеждъ, какъ отъ огня,
Остались только дымъ и тлѣнье.
Онѣ — мнѣ огнь; уже давно
Все жгутъ, къ чему ни прикоснутся;
Что годъ, что день, то связи рвутся;
И мнѣ, мнѣ даже не дано
Въ темницѣ призраки лелѣять,
Забыться мигъ веселымъ сномъ,
И грусть сердечную развѣять
Мечтанья радужнымъ крыломъ.

VIII.

ЭЛЕГІЯ.

Въ читинскомъ острогѣ, до перехода въ Петровскъ, 1830 года.

Что̀ вы печальны, дѣти сновъ,
Летучей жизни привидѣнья?
Какъ хороводы облаковъ,
Съ небесъ, по волѣ дуновенья,
Летятъ и таютъ въ вышинѣ,
Слѣдовъ нигдѣ не оставляя —
Равно въ подоблачной странѣ
Неслися вы!.. Едва мелькая,
Едва касаяся земли,
Вы, міра мрачныя печали,
Всѣ бури сердца миновали,
И безъименно протекли.
Вы и пылинки за собою
Въ теченье дней не увлекли,
И безотчетною стопою,
Пути взметая легкій прахъ,
Слѣдовъ не врѣзали въ гранитѣ,
И не оставили въ сердцахъ.
Зачѣмъ же вы назадъ глядите
На путь пройденный? Нѣтъ для васъ

Ни горькихъ думъ, ни утѣшеній;
Минула жизнь безъ потрясеній,
Огонь безъ пламени погасъ.
Кто былъ рожденъ для вдохновеній
И міръ въ себѣ очаровалъ,
Но съ юныхъ лѣтъ пилъ желчь мученій
И въ гробѣ заживо лежалъ;
Кто ядомъ облитъ былъ холоднымъ
И съ разрушительной тоской
Еще пылалъ огнемъ безплоднымъ
И порывался въ міръ душой,
Но порывался изъ могилы...
Тотъ жилъ! Онъ духомъ былъ борецъ:
Онъ, искусивъ всѣ жизни силы,
Стяжалъ страдальческій вѣнецъ;
Онъ можетъ бросить взоръ обратный,
И на минувшій, темный путь
Съ улыбкой горькою взглянуть.
Кто жаждалъ жизни всеобъятной,
Но чей стѣснительный обзоръ
Былъ ограниченъ цѣпью горъ,
Темницей вкругъ его темницы;
Кто жаждалъ сновъ, какъ ждутъ друзей,
И проклиналъ восходъ денницы,
Когда отъ розовыхъ лучей
Видѣнья легкія ночей
Толпой воздушной улетали,
И онъ темницу озиралъ

И къ нимъ объятья простиралъ,
Къ симъ утѣшителямъ печали;
Кто съ міромъ связь еще хранилъ,
Но не на радость, а мученье,
Чтобы изъ свѣта въ заточенье
Любимый голосъ доходилъ,
Какъ по умершемъ стонъ прощальный,
Чтобы утратамъ слухъ внималъ
И отзывъ пѣсни погребальной
Въ тюрьму свободно проникалъ;
Кто прелесть всю воспоминаній
Святыню чувства, міръ мечтаній,
Порывы всѣхъ душевныхъ силъ,
Всю жизнь въ любимомъ взорѣ слилъ,
И, небесамъ во всемъ покорный,
Просилъ въ молитвахъ одного:
Отъ друга вѣсти животворной,
И кто узналъ, что нѣтъ его —
Тотъ могъ спросить у Провидѣнья,
Зачѣмъ земли онъ путникъ былъ
И ангелъ смерти и забвенья,
Крыломъ сметая поколѣнья,
Его коснуться позабылъ?
Зачѣмъ мучительною тайной
Непостижимый жизни путь
Волнуетъ трепетную грудь?
Какъ званый гость, или случайный,
Пришелъ онъ въ этотъ чуждый міръ,

Гдѣ скудно сердца наслажденье
И скорби съ радостью смѣшенье
Томитъ, какъ похоронный пиръ;
Гдѣ насъ объемлетъ разрушенье,
Гдѣ колыбель — могилы дань,
Развалинъ цѣпь — поля и горы;
Гдѣ вдохновительные взоры
И устъ плѣнительная ткань
Изъ гроба въ гробъ переходили,
Изъ тлѣна въ жизнь, изъ жизни въ тлѣнъ,
И въ постепенности временъ
Образовалися изъ пыли
Погибшихъ тысячи племенъ.
Какъ тѣни, исчезаютъ лица
Въ тебѣ, обширная гробница!
Но вѣченъ родъ! Едва слетятъ
Потомковъ новыхъ поколѣнья,
Иныя звенья замѣнятъ
Изъ цѣпи выпавшія звенья;
Младенцы снова расцвѣтутъ,
Вновь закипитъ младое племя,
И до могилы жизни бремя,
Какъ даръ безъ цѣли, донесутъ
И сбросятъ путники земные...
Безъ цѣли!.. Кто мнѣ дастъ отвѣтъ?
Но въ насъ порывы есть святые,
И чувства жаръ, и мыслей свѣтъ,
Высокихъ мыслей достоянье!..

Въ лазурь небесъ восходитъ зданье:
Оно незримо, каждый день,
Трудами возрастаетъ вѣка;
Но со ступени на ступень
Вѣка возводятъ человѣка.

IX.

УМИРАЮЩІЙ ХУДОЖНИКЪ.

На смерть Веневитинова.*)

Въ петровской тюрьмѣ, 1831 года.

Всѣ впечатлѣнья въ звукъ и цвѣтъ
И слово стройное тѣснились;
И Музы юношей гордились,
И говорили: «Онъ поэтъ!..
Но, нѣтъ; едва лучи денницы
Моей коснулися зѣницы —
И свѣтъ во взорахъ потемнѣлъ;
Плодъ жизни свѣянъ недоспѣлой!
Нѣтъ! Сновъ небесныхъ кистью смѣлой
Одушевить я не успѣлъ;
Гласъ пѣсни, мною недопѣтой,
Не дозвучитъ въ земныхъ струнахъ,
И я, въ нетлѣніе одѣтый —
Ее дослышу въ небесахъ.

*) Дмитрій Влад. Веневитиновъ, замѣчательный русскій поэтъ, родился въ 1805 г., скончъ. 1827 г. Собраніе его сочиненій, съ біографіей, издано А. П. Пятковскимъ, въ 1862 г. *Примѣч. изд.*

Но на землѣ, гдѣ въ чистый пламень
Огня души я не излилъ,
Я умеръ весь... И грубый камень,
Обычный кровъ нѣмыхъ могилъ,
На черепъ мой остывшій ляжетъ
И соплеменнику не скажетъ,
Что рано выпала изъ рукъ
Едва настроенная лира,
И не успѣлъ я въ стройный звукъ
Излить красу и стройность міра.

X.

СЕН-БЕРНАРЪ.

Въ петровской тюрьмѣ за Байкаломъ, въ 1831 году.

Во ледяныхъ шлемахъ великаны
Стоятъ, теряясь въ небесахъ,
И молній полные колчаны
Гремятъ на крѣпкихъ раменахъ;
Туманы зыбкими грядами,
Какъ поясъ, станъ ихъ облегли,
И разступилась грудь земли
Подъ ихъ гранитными стопами.
Храните благодатный Югъ,
Соединясь въ завѣтный полукругъ,
Вы, чада пламени, о Альпы исполины!
Храните вы изъ вѣка въ вѣкъ
Источники вѣчно-шумящихъ рѣкъ
И нѣжно-злачныя Ломбардіи долины.
Кто мчится къ Альпамъ? кто летитъ
На огненномъ питомцѣ Нила?
Въ очахъ спокойныхъ взоръ горитъ,
Души неодолимой сила!
Въ немъ зрѣетъ новая борьба —
Грядущій рядъ побѣдъ летучихъ;

И неизбѣжны, какъ судьба,
Рѣшенья думъ его могучихъ.
Съ коня сошелъ онъ. Чуя бой,
Воскликнулъ Сен-Бернаръ: «Кто мой покой
Нарушить смѣлъ?» Онъ рекъ,—и шумная лавина
Ниспала и зарыла долъ;
Протяжно вслѣдъ за гуломъ гулъ пошолъ,
И Альпы слили въ громъ глаголы исполина.
«Я узнаю тебя! Ты съ нильскихъ пирамидъ
«Слетѣлъ ко мнѣ, орелъ неутомимый!
«Тебя, безсмертный вождь, мучительно томитъ
«Побѣды гладъ неутолимый;
«И имя, какъ самумъ на пламенныхъ пескахъ,
«Шумящее губительной грозою,
«Ты хочешь впечатлѣть желѣзною стопою
»Въ моихъ нетающихъ снѣгахъ!
«Нѣтъ, нѣтъ! Италіи не уступлю безъ боя!» —
«Впередъ!» отвѣтъ могучій прозвучалъ.
Уже надъ безднами виситъ стезя героя,
И вверхъ по ребрамъ голыхъ скалъ,
Гдѣ нѣтъ костей слѣдовъ, гдѣ гнѣздъ не вьютъ орлицы,
Идутъ полки, съ довѣрьемъ за вождемъ.
Всходя, цѣпляются безстрашныхъ вереницы
И въ мѣдныхъ жерлахъ взносятъ громъ.
Мрачнѣетъ Сен-Бернаръ: одѣянъ бурной мглою,
Вдругъ съ трескомъ рушится, то вновь стоитъ скалою;
Сто устъ, сто безднъ—раскрывъ со всѣхъ сторонъ,

Всѣмъ смрадомъ смерти дышетъ онъ.
«Впередъ!» воскликнулъ вождь: «впередъ!» про-
мчались клики,
И гордую стопу уже занесъ Великій
На исполинское чело.
«Я узнаю тебя, мой чудный побѣдитель!
«Въ лучахъ блеститъ Маренго! цѣпь побѣдъ
«По міру прогремитъ... но встанетъ крѣпкій мсти-
тель
«И ты на свой наступишь слѣдъ.
«Свершая замыслы всемірнаго похода,
«Ты помни: твой предтеча Аннибалъ,
«Съ юнѣющей судьбой могучаго народа,
«Въ борьбѣ неравной шумно палъ.
«Страшись! уже на кликъ отечества и славы
«Встаетъ народъ: онъ грань твоихъ путей;
«Всходящая звѣзда мужающей державы
«Уже грозитъ звѣздѣ твоей!..
«Въ полночной мглѣ, въ снѣгахъ есть конь и всад-
никъ мѣдный...
«Ударитъ конь копытами въ гранитъ
«И кинетъ огнь въ сердца: онъ искрою побѣдной
«Твой грозный лавръ испепелитъ».

XI.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПѢСНЯ,

врученная матери младенца Кондратія, баронессѣ Аннѣ Васильевнѣ Розенъ, рожденной Малиновской. — (Имя сокращено Атій по отголоску).

Въ петровской тюрьмѣ, 1832 г.

Спи, мой младенецъ,
Милый мой Атій,
Сладко усни!
Пусть къ изголовью
Ангелъ-Хранитель
Тихо слетитъ.

Вотъ онъ незримый
Люльку качаетъ;
Крылышкомъ мирный
Сонъ навѣваетъ.

Атій, мой Атій
Вѣянье крыльевъ
Слышитъ сквозь сонъ;
Сладко онъ дышетъ,
Сладкой улыбкой
Вскрылись уста.

Ангелъ-Хранитель
Люльку качаетъ,
Крылышкомъ тихо
Сонъ навѣваетъ.

XII.

ЛИПА.

Въ петровской тюрьмѣ, въ 1832 году.

Изъ дѣтскихъ всѣхъ воспоминаній
Одно во мнѣ свѣжѣе всѣхъ,
Я въ немъ ищу въ часы страданій
Душѣ младенческихъ утѣхъ;
Я помню липу, нераздѣльно
Я съ нею жилъ, и листьевъ шумъ
Мнѣ вѣялъ г[illegible]сней колыбельной,
Всей нѣгой первыхъ дѣтскихъ думъ.
Какъ вѣтви сладостно шептали!
Какъ отвѣчалъ имъ лепетъ мой!
Мы будто вмѣстѣ пѣснь слагали
Съ любовью, съ радостью одной.
Давно я съ липой разлучился;
Она какъ прежде зелена,
А я? какъ старъ! какъ измѣнился!
Не молодитъ меня весна!
Увижу ль липу я родную?
Тамъ могъ бы сердце я согрѣть
И пѣснь младенчески простую
Съ тобой, мой добрый другъ, запѣть.

Ты старъ; но листья молодѣютъ,
А люди, люди! что̀ мнѣ въ нихъ?
Чѣмъ старѣй — больше все черствѣютъ
И чувствъ стыдятся молодыхъ!

XIII.

ПОСЛѢДНЯЯ НАДЕЖДА.

Андр. Ев. Розенъ.

Въ петровской тюрьмѣ, 1832 года.

(Роздана для прочтенія и не возвращена) *).

*) Помѣщается далѣе въ «Дополненіяхъ», въ перепечаткѣ изъ «Русскаго Архива», 1873 г. *Прим. изд.*

XIV.

ВЪ АЛЬБОМЪ.

Въ Ишимѣ, 1836 года.

Пусть нѣжной думой, жизни цвѣтомъ
Благоухаетъ твой альбомъ!
Пусть будетъ дума та завѣтомъ
И вѣрнымъ памяти звеномъ!
И если кто — альбома данникъ —
Окончитъ грустный путь земной
И, лучшей жизни новый странникъ,
На вѣкъ разлучится съ тобой,
Взгляни съ улыбкою унылой
На мысль, души его завѣтъ,
Какъ на пустынный скромный цвѣтъ.
Цвѣтущій надъ его могилой.

XV.

А. М. ЯНУШКЕВИЧУ,

раздѣлившему со мною вѣтку кипарисовую съ могилы Лауры.

Въ городѣ Ишимѣ на поселеніи, въ 1836 году, 30-го августа.

Въ странахъ, гдѣ сочны лозы виноградныя,
Гдѣ воздухъ, солнце, сѣнь лѣсовъ
Дарятъ живыя чувства и отрадныя,
И въ дѣвахъ дышетъ жизнь цвѣтовъ,
Ты былъ! — пронесъ пытливый посохъ странника
Туда, гдѣ бьетъ воклюзскій ключъ...
Гдѣ жь *) встрѣтилъ я тебя, теперь изгнанника?
Въ степяхъ, въ краю снѣговъ и тучъ!
И что̀ осталось въ память солнца южнаго?
Одну лишь вѣтку ты хранилъ
Съ могилы Лауры: — полный чувства дружнаго
И ту со мною раздѣлилъ!
Такъ будемъ же печалями завѣтными
Дѣлиться здѣсь, въ отчизнѣ вьюгъ,

*) Въ «Отеч. Запискахъ», 1844 г.: «*И гдѣ же?*». *Прим. изд.*

И крыльями, для міра незамѣтными,
Перелетать на чудный югъ,
Туда, гдѣ долъ цвѣтетъ весною яркою
Подъ шопотъ авиньйонскихъ струй,
И мысль твоя съ Лаурой и Петраркою
Слилась, какъ нѣжный поцѣлуй.

XVI.

ЕМУ ЖЕ,

передавшему привѣтъ отъ курганскихъ товарищей, 3-го октября 1836 года.

Ты знаешь ихъ, кого я такъ любилъ,
Съ кѣмъ чорную годину я дѣлилъ;
Ты знаешь ихъ! — Какъ я, ты жалъ имъ руку
И передалъ мнѣ дружній разговоръ,
Душѣ моей знакомый съ давнихъ поръ;
И я опять внималъ родному звуку,
Казалось, былъ на родинѣ моей,
Опять въ кругу соузниковъ-друзей.
Такъ путники идутъ на богомолье
Сквозь огненно-песчаный океанъ,
И пальмы тѣнь, студеныхъ водъ приволье
Манятъ ихъ въ даль... лишь сладостный обманъ
Чаруетъ ихъ; но ихъ бодрѣютъ силы,
И далѣе проходитъ караванъ,
Забывъ про зной пылающей могилы.

XVII.

ПОСЛАНІЕ КЪ ОТЦУ.

Изъ города Ишима, Тобольской Губерніи, мѣста поселенія 1836 года.

Какъ недвижимы волны горъ,
Обнявшихъ тѣсно мой обзоръ
Непроницаемою гранью!
За ними — полный жизни міръ,
А здѣсь — я одинокъ и сиръ,
Отдалъ всю жизнь воспоминанью.

Всю жизнь, остатокъ прежнихъ силъ,
Теперь въ одно я чувство слилъ,
Въ любовь къ тебѣ, отецъ мой нѣжный,
Чье сердце такъ еще тепло,
Хотя печальное чело
Давно покрылось тучей снѣжной.

Проснется ль тайный сводъ небесъ,
Заговоритъ ли дальній лѣсъ,
Иль золотой зашепчетъ колосъ —
Въ лунѣ, въ туманной выси горъ
Всегда мнѣ видится твой взоръ,
Вездѣ мнѣ слышится твой голосъ.

Когда жь объ отчій твой порогъ
Пыль чуждую съ изсохшихъ ногъ
Стрясетъ твой первенецъ-изгнанникъ,
Войдетъ — растаетъ весь въ любовь,
И небо въ душу приметъ вновь,
И на землѣ не будетъ странникъ?

Нѣтъ, не входить мнѣ въ отчій домъ
И не молиться мнѣ съ отцомъ
Передъ домашнею иконой;
Не утѣшать его сѣдинъ,
Не быть мнѣ отъ заботъ, кручинъ
Его младенцевъ обороной!

Меня чужбины вихрь умчалъ
И бросилъ на девятый валъ
Мой чёлнъ, скользившій безъ кормила;
Очнулся я въ степи глухой,
Гдѣ мнѣ не кровною рукой,
Но вьюгой вырыта могила.

Съ тѣхъ поръ, займется ли заря,
Молю я солнышко-Царя
И нашу свѣтлую Царицу:
Меня, о солнце, воскреси,
И дай мнѣ на святой Руси
Увидѣть хоть одцу денницу!

UNIVERSITY OF
ILLINOIS LIBRARY

Взнеси опять мой бѣдный чёлнъ,
Игралище безумныхъ волнъ,
На океанъ твоей державы,
Съ небесъ мнѣ кроткій лучъ пролей,
И грѣшной юности моей
Не помяни ты въ царствѣ славы!

XVIII.

РѢКА УСЬМА ИЛИ УСМАНЬ

(потатарски — красавица).

Во время проѣзда изъ Сибири въ Грузію, по Тамбовской Губерніи, гдѣ Усьма впадаетъ въ Воронежъ (1837 года).

Какъ сладокъ первый день среди полей отчизны,
На берегахъ излучистой Усьмы!
Опять блеснулъ намъ лучъ давно минувшей жизни
И вывелъ насъ изъ долгой скорбной тьмы...
Мы ожили! Нашъ взоръ тонулъ въ зеленомъ морѣ
Родныхъ полей, и рощей, и холмовъ.
Тамъ горы тянутся, тутъ въ живописномъ спорѣ
Съ лазурью струй — сѣнь пышная лѣсовъ.
Усьма то скроется въ лѣсу, то вновь проглянетъ
Одѣта, какъ невѣста, въ блескъ небесъ,
Въ объятья кинется, а тамъ опять обманетъ
Склоненный къ ней, въ нее влюбленный лѣсъ.
Тутъ какъ дитя шалитъ: то съ мельницей играетъ,
И рѣзвится какъ бѣлка съ колесомъ.

То островъ срядитъ и его объемля засыпаетъ,
Какъ застигнутая мысль любви, сномъ; *)
И сладкій сонъ ея сіяетъ небесами,
Всей прелестью осеннихъ ясныхъ дней,
Пока она опять разгульными струями
Не побѣжитъ вдоль рощей и полей.
И можетъ ли что быть милѣе и привольнѣй
Обзора мирнаго прелестныхъ этихъ мѣстъ,
Гдѣ издали блеститъ на бѣлой колокольнѣ,
Манитъ, какъ жизни цѣль, отрадный спасовъ крестъ?

*) Такъ въ подлинникѣ. *Прим. изд.*

XVIX.

ЭКСПРОМТЪ.

На пути, за нѣсколько верстъ до Ставрополя при видѣ стаи журавлей, летѣвшихъ на югъ къ Кавказу — («Привѣтствуй ихъ!» сказалъ М. А. Назимовъ, сидѣвшій на повозкѣ рядомъ съ А. И. Одоевскимъ, и вотъ отвѣтъ (1837 года, въ октябрѣ).

Куда несетесь вы, крылатыя станицы?
Въ страну ль, гдѣ на горахъ шумитъ лавровый лѣсъ,
Гдѣ рѣютъ радостно могучія орлицы
И тонутъ въ синевѣ пылающихъ небесъ?
И мы — на югъ! туда, гдѣ яхонтъ неба рдѣетъ,
И гдѣ гнѣздо изъ розъ себѣ природа вьетъ,
И насъ, и насъ далекій путь влечетъ...
Но солнце тамъ души не отогрѣетъ
И свѣжій миртъ чела не обовьетъ.
Пора отдать себя и смерти и забвенью!
Но тѣмъ ли, послѣ бурь, намъ будетъ смерть красна,
Что насъ не сѣвера угрюмая сосна,
А южный кипарисъ своей покроетъ тѣнью?

(Черезъ годъ, находясь въ Пятигорскѣ на минеральныхъ водахъ, поэтъ собственноручно прибавилъ въ памятной книжкѣ Андр. Евген. Розена слѣдующее четырестишіе):

И что не мерзлый ровъ, не снѣговой увалъ
Насъ мирно подарятъ послѣднимъ новосельемъ:
Но кровью жаркою обрызганный чакалъ
Гостей бездомный прахъ разброситъ по ущельямъ.

Въ 1838 году.

XX.

ПѢСНЯ,

спѣтая Евгеніемъ въ Пятигорскѣ, 22-го іюля 1838 года, въ день ангела тетки его, Маріи Васильевны Вольховской, рожденной Малиновской, которая до замужества и послѣ онаго замѣнила ему мать, уѣхавшую къ мужу въ читинскій острогъ, когда сыну ея было четыре года отроду.

(На голосъ: «Вотъ ѣдетъ тройка»).

Я разлучился въ колыбели
Съ отцомъ и матерью моей,
И люди грустно пѣснь запѣли
О безпріютности моей.
Но жалость ихъ—огонь безплодный,
Жжетъ укоризненной слезой:
Лишь дѣва, ангелъ земнородный,
Простерла крылья надо мной.
Мнѣ сирому ты замѣнила
Отца и мать, вдали отъ нихъ,
И вполовину облегчила
Печаль родителей моихъ.

Съ отцомъ и матерью родною
Теперь увидѣлся я вновь,
Чтобъ въ вѣкъ межъ ними и тобою
Дѣлить сыновнюю любовь.

XXI.

МОЯ ПЕРИ.

Кархагачъ, въ Грузіи, въ 1838 году.

Взгляни, утѣшь меня усладой мирныхъ думъ,
Степныхъ небесъ заманчивая Пери;
Во мнѣ грусть тихая смѣнила бурный шумъ,
Остался дымъ отъ пламенныхъ повѣрій...
Теперь, томлю ли грусть въ волненіи людей,
Меня смѣшитъ ихъ суетная радость;
Ищу я думою подернутыхъ очей,
Люблю рѣчей задумчивую сладость.
Меня тревожитъ смѣхъ дряхлѣющихъ дѣтей,
Съ усмѣшкою гляжу на нихъ угрюмый;
Но жизнь моя цвѣтетъ улыбкою твоей,
Твой ясный взоръ съ моей сроднился думой.
О, Пери! улети со мною въ небеса
Въ твою отчизну, гдѣ все нѣгой вѣетъ,
Гдѣ тихо и свѣтло, и времени коса
Предъ цвѣтомъ жизни цѣпенѣетъ.
Какъ облако плыветъ въ иной, прекрасный міръ
И таетъ, просіявъ вечернею зарею,
Такъ полечу и я, растаю весь въ эѳиръ
И обовью тебя воздушной пеленою.

XXII.

НА ПРОѢЗДЪ НАСЛѢДНИКА ПРЕСТОЛА,

Цесаревича Александра Николаевича,

въ 1837 году.

На западѣ подъемлется заря,
На встрѣчу ей кипитъ народъ могучій,
И шлетъ привѣтъ Наслѣднику Царя,
Сливая гулъ изъ всѣхъ любви созвучій.
И вздрогнула отъ радости святой
Вся русская земля, заколебалась:
«Къ намъ будетъ гость державный, нашъ родной!»
И мыслью той, какъ солнцемъ, обновлялась:
«Думъ царственныхъ отеческую цѣль
«Исполни гость, слей душу ты съ полсвѣтомъ!»
Вступилъ онъ въ путь и Руси колыбель
Онъ первую почтилъ своимъ привѣтомъ.
Самъ Рюрикъ князь, съ дружиной удалой.
На Новгородъ изъ свѣтозарной тучи
Глядитъ и пьетъ изъ чаши круговой
Янтарный медъ, какъ радость ихъ. шипучій.

А тамъ, нося святыню честныхъ ранъ,
Монгольскихъ мукъ нетлѣнное преданье,
Князь Михаилъ съ небесъ склоняетъ станъ,
Своей Твери онъ слышитъ ликованье!
«Нежданный здѣсь»; у всѣхъ забилась грудь,
И Тверь его съ любовью угостила,
И вся, какъ взоръ одинъ, слѣдила путь,
Гдѣ встрѣтитъ гость иного Михаила;
Витая надъ обителью святой,
Гдѣ Русь нашла единство и спасенье,
Онъ съ Неба шлетъ невидимой рукой
Напутное тебѣ благословенье.

Онъ предокъ твой, Петра высокій дѣдъ,
Кѣмъ лже-царей окончен пиръ кровавый.
Родникъ всѣхъ дѣлъ высокихъ, всѣхъ побѣдъ,
И первый лучъ неугасимой славы.
Взгляни: волной смѣняется волна,
Тѣсна для нихъ широкая дорога;
Спѣшатъ къ тебѣ всей Руси племена
Твой встрѣтить взоръ и громко славятъ Бога,
Что градъ, что весь, что здравый русскій умъ;
Плоды труда и русское приволье,
Для чувствъ добра, для благотворныхъ думъ
Вездѣ Царю роскошное раздолье.

И гдѣ предѣлъ? Тамъ — гранью Араратъ,
Тутъ — вѣчныхъ льдовъ полярныя громады,
И та же мысль все движетъ: всѣ горятъ,
Ждутъ на всю жизнь одной себѣ отрады.

Но здѣсь — чья тѣнь? Кто въ думу погружонъ?
Надъ Иртышемъ стоитъ Ермакъ печальный.
Все скорбь одна его тревожитъ сонъ,
Опальный сонъ: обрѣлъ онъ край опальный.
Вѣка идутъ, о берегъ бьется валъ,
И каждый валъ приноситъ плачъ изгнанья,
Не край, а міръ Ермакъ завоевалъ.
Но той земли страшатся и названья.
Взирай: крутитъ Иртышъ; до крайнихъ странъ
Промчалась вѣсть, за нею ликованій
Несется громъ, и льдяный Океанъ
Заискрился отъ радужныхъ сіяній.
Слилась Сибирь въ гимнъ радости; сердца
Въ ея сынахъ забились русской кровью,
Боготворя отечества отца —
Къ тебѣ они исполнены любовью.
Сибирь стрясла двухвѣковой укоръ,
И, вся восторгъ — къ стопамъ твоимъ припала.
Какъ сладостенъ ей первый царскій взоръ!
Твой взоръ блеснулъ, и рушилась опала.
Минула ночь: отъ солнца тьма бѣжитъ;
Теперь Сибирь не та же ли Россія?
Ужь гостя нѣтъ! но вся еще дрожитъ,
Храня о немъ преданія святыя.
Ужь гостя нѣтъ! Куда жь далекій путь
Лежитъ Царя возлюбленному сыну?
Туда, гдѣ Русь ему откроетъ грудь
И крѣпкій дубъ окажетъ сердцевину,

Приволжіе — горнило русскихъ силъ,
Гдѣ Нижній-Новгородъ разгулъ готовитъ царскій
И гдѣ четой хранительныхъ свѣтилъ
Намъ свѣтятъ Мининъ и Пожарскій.
А тамъ, какъ Римъ, разлегшись на холмахъ,
Взнося тьмы главъ, святыни украшенье,
Москва хранитъ ихъ памятникъ въ стѣнахъ,
Какъ вѣчное потомства вдохновенье.
Спасенья градъ, гдѣ врагъ великій палъ,
Чья длань грозой побѣдною владѣла;
Святой костеръ, гдѣ гибли Ляхъ и Галлъ
И дважды Русь какъ фениксъ возъюнѣла,
Москва! Москва! Въ чьемъ русскомъ сердцѣ нѣтъ
Отзывныхъ чувствъ на кликъ сей величавый?
Она блеститъ и славой древнихъ лѣтъ,
И твоего рожденья юной славой;
Свой первый взоръ ты кинулъ на Москву,
Твой первый звукъ отгрянулъ въ нихъ громами;
Внемли жъ ея восторженному зву
И озари престольную очами,
Всей юностью и красотой
Ея надеждъ небесныхъ исполненьемъ!
Святи жъ и будь намъ радостной судьбой,
Насъ радуй всѣхъ безоблачнымъ воззрѣньемъ.
Но подвигъ твой не конченъ! Не свершонъ
Возвышенный урокъ самодержавья.
Ты слышишь ли печерскій звонъ
Надъ первою купелью православья?

Туда твой путь: во срѣтенье спѣшитъ
Весь Кіевъ градъ веселыми толпами,
И самый Днѣпръ торжественно шумитъ
Подъ мирными обители стѣнами.
Лазурь небесъ раскрылась надъ тобой.
Сплетясь въ вѣнцы, горятъ лучи святые,
И райскою сіяютъ въ нихъ красой
Россіи всей хранители святые;
Ко Господу возносятся хвалой,
Апостолъ-князь и всѣ свѣтила вѣры,
И вторятъ имъ изъ глубины земной
Угодниковъ священныя пещеры:
«Отъ Бога—власть и въ Господѣ предѣлъ
Путей земныхъ и всѣхъ благихъ дѣяній!»
Конецъ пути въ святынѣ ты обрѣлъ,
Исполнивъ цѣль высокихъ назиданій.
Ждетъ гостя царь: крылатыхъ сто полковъ
Привѣтствуетъ ихъ сладкое свиданье;
И приметъ сынъ награду всѣхъ трудовъ,
Родителей державныхъ цѣлованье.
Въ тотъ самый мигъ склоня колѣно въ прахъ,
Взнесетъ царю чело свое Россія;
Признательность блеститъ въ ея очахъ,
Уста дрожатъ отъ радости нѣмыя;
И свѣжихъ чувствъ всей юностью горитъ,
Могучимъ вся восторгомъ пламенѣетъ
И за тебя его благодаритъ:
Мужаясь въ немъ, она въ тебѣ юнѣетъ,

Благодаритъ за свѣтъ твоихъ очей,
Царя отца и кроткую царицу,
Прозрѣвъ въ тебѣ безсмертный цвѣтъ царей
И будущихъ судебъ своихъ денницу.

ПАМЯТИ А. И. ОДОЕВСКАГО

1839 года.

Я зналъ его: мы странствовали съ нимъ
Въ горахъ Востока, и тоску изгнанья
Дѣлили дружно; но къ полямъ роднымъ
Вернулся я, и время испытанья
Промчалося законной чередой;
А онъ не дождался минуты сладкой:
Подъ бѣдною походною палаткой
Болѣзнь его сразила, и съ собой
Въ могилу онъ унесъ летучій рой
Еще незрѣлыхъ, темныхъ вдохновеній,
Обманутыхъ надеждъ и горькихъ сожалѣній!

Онъ былъ рожденъ для нихъ, для тѣхъ надеждъ.
Поэзіи и счастья... Но безумный —
Изъ дѣтскихъ рано вырвался одеждъ
И сердце бросилъ въ море жизни шумной,

И свѣтъ не пощадилъ, и Богъ не спасъ!
Но до конца среди волненій трудныхъ,
Въ толпѣ людской и средь пустынь безлюдныхъ
Въ немъ тихій пламень чувства не угасъ:
Онъ сохранилъ и блескъ лазурныхъ глазъ,
И звонкій дѣтскій смѣхъ, и рѣчь живую,
И вѣру гордую въ людей и жизнь иную.

Но онъ погибъ далеко отъ друзей...
Миръ сердцу твоему, мой милый Саша!
Покрытое землей чужихъ полей,
Пусть тихо спитъ оно, какъ дружба наша
Въ нѣмомъ кладбищѣ памяти моей!
Ты умеръ какъ и многіе безъ шума,
Но съ твердостью. Таинственная дума
Еще блуждала на челѣ твоемъ,
Когда глаза закрылись вѣчнымъ сномъ;
И то, что̀ ты сказалъ передъ кончиной,
Изъ слушавшихъ тебя не понялъ ни единый...

И было ль то привѣтъ странѣ родной,
Названье ли оставленнаго друга,
Или тоска по жизни молодой,
Иль, просто, крикъ послѣдняго недуга,

Кто скажетъ намъ?.. Твоихъ послѣднихъ словъ
Глубокое и горькое значенье
Потеряно. Дѣла твои и мнѣнья,
И думы — все исчезло безъ слѣдовъ,
Какъ легкій паръ вечернихъ облаковъ:
Едва блеснутъ, ихъ вѣтеръ вновь уноситъ —
Куда они? зачѣмъ? откуда? — Кто ихъ спроситъ...

И послѣ нихъ на небѣ нѣтъ слѣда,
Какъ отъ любви ребёнка безнадежной,
Какъ отъ мечты, которой никогда
Онъ не ввѣрялъ заботамъ дружбы нѣжной...
Что̀ за нужда? Пускай забудетъ свѣтъ
Столь чуждое ему существованье:
Зачѣмъ тебѣ вѣнцы его вниманья
И тернія пустыхъ его клеветъ?
Ты не служилъ ему. Ты съ юныхъ лѣтъ
Кровавыя его отвергнулъ цѣпи.
Любилъ ты моря шумъ, молчанье синей степи —
И мрачныхъ горъ зубчатые хребты.

И вкругъ твоей могилы неизвѣстной
Все, чѣмъ при жизни радовался ты,
Судьба соединила такъ чудесно:

Нѣмая степь синѣетъ, и вѣнцомъ
Серебрянымъ Кавказъ ее объемлетъ:
Надъ моремъ онъ, нахмурясь, тихо дремлетъ,
Какъ великанъ, склонившись надъ щитомъ,
Разсказамъ волнъ кочующихъ внимая,
А море Черное шумитъ не умолкая *).

М. Лермонтовъ.

*) На Кавказѣ знаютъ, что черкесы почтили могилу покойнаго А. И. Одоевскаго, когда узнали, кто въ ней покоится.

19-Е ОКТЯБРЯ 1827 ГОДА.

Въ день лицейской годовщины.

Богъ помощь вамъ, друзья мои,
Въ заботахъ жизни, царской службы,
И на пирахъ разгульной дружбы,
И въ сладкихъ таинствахъ любви.

Богъ помощь вамъ, друзья мои,
И въ счастьѣ и въ житейскомъ горѣ,
Въ странахъ чужихъ, въ пустынномъ морѣ
И въ темныхъ пропастяхъ земли *).

А. Пушкинъ.

*) Въ послѣднихъ двухъ строкахъ вспоминалъ онъ товарищей лицейскихъ — Матюшкина — моряка и И. И. Пущина и В. К. Кюхельбекера, декабристовъ.

ОТВѢТЪ А. И. ОДОЕВСКАГО

на посланіе А. С. Пушкина къ друзьямъ въ Сибирь 1827 года.

Роздань на прочтеніе и не возвращенъ.

ПОДРАЖАНІЕ

XIII-й главѣ посланія къ коринѳянамъ святаго апостола Павла.

Въ читинскомъ острогѣ за Байкаломъ, 1828 года.

Пусть злые люди вѣнецъ сплетаютъ,
Оставимъ ихъ самихъ съ собой;
А наши души возлетаютъ
Къ небесной истинѣ святой!
Пролейся въ сердце огнь небесный!
Коснись, настрой псалтырь мою
На голосъ музамъ неизвѣстный
Любви христовой пѣснь пою!
Но что̀ мнѣ въ пѣснѣ голосистой,
Хотя бъ въ ней ангельскій былъ гласъ,
Когда огонь любви сей чистой
Въ душѣ моей совсѣмъ угасъ!
Мнѣ пѣснь не дастъ той жизни вѣчной,
Которую любовь даетъ.
Какъ звукъ кимвала скоротечный,
Такъ пѣснь раздастся и умретъ.

Что̀ пользы въ разумѣ высокомъ?
Что̀ мнѣ въ познаніи небесъ?
Къ чему мнѣ зрѣть премудрымъ окомъ
Всю связь безчисленныхъ чудесъ?
Что̀ безъ любви всѣ созерцанья?
Къ чему мнѣ знать судебъ законъ?
Безъ ней высокія познанья
Суть только призракъ, прахъ и сонъ!
Хотя бъ чрезъ мощной вѣры силы
Я камни въ воду претворялъ,
Хотя бы мертвыхъ изъ могилы
По гласу вѣры вызывалъ,
Хотя бы горъ хребты высоки
Единымъ словомъ колебалъ,
Иль, обращая вспять потоки,
Я солнца бѣгъ остановлялъ!
Но что̀ мнѣ въ томъ, коль огнь любовный,
Въ послѣдній оный день суда,
Не воскреситъ мой тлѣнъ грѣховный
Къ небесной жизни навсегда!
Хотя бъ стяжанія презритель
Богатства нищимъ расточалъ,
Иль вѣры своея ревнитель
Въ оковы тѣло заключалъ!
Но если подвиговъ высокихъ
Не есть источникомъ любовь,
Вотще бъ въ мученіяхъ жестокихъ
Я проливалъ холодну кровь!

Любовь съ киченьемъ незнакома,
Для самолюбія чужда;
Одною простотой вѣдома,
Не знаетъ гордости слѣда;
Къ стяжаньямъ рукъ не простираетъ,
Коварствъ не знаетъ никакихъ,
Враговъ по имени лишь знаетъ,
Чтобы *молиться* и за нихъ.
Сердца другихъ собою мѣритъ,
Творцу всю душу предаетъ,
Всего надѣется и вѣритъ
И благодарны слезы льетъ.
Она не вѣдаетъ преграды,
Не знаетъ, гдѣ конецъ — любить;
И самый верхъ для ней награды
За ближнихъ душу положить!
Всегда кротка и справедлива,
Безъ малодушія — скромна,
Безъ дерзости — правдолюбива,
Безъ честолюбія — славна;
Собою жертвовать готова
Въ спокойной ревности своей,
Не зная страха никакого,
Идетъ небесною стезей.
Ей тёрнъ путей не преграждаетъ,
Идетъ на высоту стремнинъ,
Стремнинъ, которыхъ ужасаютъ
Холодны души видъ одинъ.

Таковъ твой путь, царица міра,
Таковъ твоихъ дѣяній плодъ!
Таковъ твой съ райскаго емпира
Благотворителенъ приходъ!
Такъ огнь твой дýши распаляетъ,
Такъ вѣрныхъ чадъ твоихъ живитъ,
Такъ всѣ сердца въ одно сливаетъ
И моремъ радости поитъ!
Когда падутъ небесны своды,
Время *) въ послѣдній разъ вздохнетъ,
И съ умирающей природы
Одежды тлѣнныя сорветъ,
Когда исчезнетъ область вѣры,
Покровъ гаданія спадетъ,
Прейдутъ наружныхъ дѣлъ примѣры,
Тогда звѣзда твоя взойдетъ.
Въ душахъ очищенныхъ свѣтлѣе
Зажжетъ сердца — и пламень твой,
Горя яснѣе и яснѣе,
Пребудетъ всѣхъ небесъ душой!
Представь, какъ бренныя созданья
Послѣдній ангелъ истребитъ...
И на останкахъ мірозданья
Одна въ вѣнцѣ любовь стоитъ!

---

*) Очевидно описка, не выходитъ стиха. Въ «Русск. Старинѣ» 1871 г., т. III, стр. 534—6, этотъ стихъ напечатанъ такъ:
«Въ послѣдній время разъ вздохнетъ».
Примѣч. изд.

Одушеви, о душъ царица!
И научи меня любить,
Наставь не зрѣть меня на лица
И истину во всемъ хранить!
Устрой, чтобъ жизни сей стремнину
Въ владычествѣ твоемъ я жилъ,
И сладостей твоихъ въ пучину
Ты погрузи меня во вѣкъ!

Л. С. Бобрищевъ-Пушкинъ 2-й.

ИЗГНАННИКЪ КЪ СВОИМЪ РОДИТЕЛЯМЪ *).

Читинскій острогъ, 1830 года. Нѣкоторыя подробности о немъ въ «Запискахъ декабриста», изданныхъ въ Лейпцигѣ Дункеромъ и Гумблодтомъ въ 1870 году; см. страницы 155, 228, 230, 231, 260, 261, 284, 525.

Друзья, есть Богъ, есть наше счастье
Не въ здѣшнемъ мірѣ, въ небесахъ,
Богъ въ страждущихъ живетъ душахъ.
Пройдетъ мгновенное ненастье,
Чтобъ намъ явить свѣтлѣе день,
Когда дойдетъ до жданной мѣты,
Какъ рѣзкая въ картинѣ тѣнь
Бросаетъ живость на предметы
И краски выдаетъ яснѣй.
Итакъ, друзья мои любезны,
Оставимъ ропотъ безполезный.
У дародателя людей
Испросимъ къ подвигамъ терпѣнья,
Надеждой души оживёмъ,
Доколѣ въ вѣчныя селенья

*) Эта пьеса напечатана въ «Русской Старинѣ» 1873 г., т. VII, стр. 577—8. *Примѣч. изд.*

Душой свободной не взойдемъ.
Блаженъ, кто въ сей землѣ страстей
На нивахъ сердца сѣялъ слезы,
Тому ни бури, ни морозы
Въ день жатвы той не повредятъ;
Но къ новой жизни возвратятъ
Въ скорбяхъ посѣянныя слезы.
Вы не печальтесь обо мнѣ,
Друзья мнѣ сердцемъ и душою:
Я незнакомъ еще съ тоскою,
Живя изгнанникомъ въ странѣ;
Благодарю Творца стократно,
Не жажду въ мірѣ ничего,
И предаюся безвозвратно
Я въ милосердіе Его.
И лишь о васъ тревога —
Лишь одного прошу у Бога,
Чтобы спокойны были вы;
А я изъ дальней сей страны,
Исполняся святой отваги,
Одушевлю сей листъ бумаги,
Сыновнимъ чувствомъ напою;
На милу родину пошлю,
Тѣмъ усладивъ разлуку нашу,
И въ вашу горестную чашу
Хоть каплю радости волью.

Л. С. Бобрищевъ-Пушкинъ 2-й.

ДОПОЛНЕНІЕ КЪ СБОРНИКУ

БАРОНА АНД. ЕВГ. РОЗЕНА.

I.

СТИХОТВОРЕНІЯ КН. А. И. ОДОЕВСКАГО.

I.

ЧАЛМА.

(Отрывокъ изъ повѣсти).

А. С. Пушкину.

Дикихъ взоровъ красотой,
Косъ блестящихъ чернотой
Я прельстился, какъ безумный;
Я турчанку полюбилъ.
Я былъ молодъ. Съ нею шумно,
Съ нею весело я жилъ.
По коврамъ она скакала
И кружилась на лету,
Поцалуй съ меня срывала,
То со смѣхомъ обнажала
Юныхъ персей красоту;
Жаркой грудью прижималась
Мнѣ ко груди, увивалась
Бѣлой вкругъ меня рукой,
И усталая со мной
Долго, долго цаловалась...

* * *

Грѣйтесь въ шубахъ, на снѣгахъ,
Подъ метелію полночной!
Мнѣ теплѣе на грудяхъ
У красавицы восточной.
Что̀ въ друзьяхъ мнѣ? Что̀ въ родныхъ?
Пышетъ холодомъ отъ нихъ!
Я во снѣ же ихъ видаю;
Но проснусь и на яву
Я Роксану обнимаю;
Я проснусь, я оживу
На устахъ моей Роксаны,
И забуду и снѣга,
И родные берега,
И болотные туманы...
—«Солнце знойно, ярокъ свѣтъ,
«Какъ очей твоихъ сіянье;
«Какъ ни сладокъ твой шербетъ,
«Слаще устъ твоихъ дыханье!
«Наклонись ко мнѣ челомъ,
«Устъ румяныхъ жги огнемъ,
«Поцалуй меня, Роксана!»

* * *

Я рукой ей руку жалъ,
И лицо и прелесть стана
Страстнымъ взоромъ озиралъ,
Сквозь душистый дымъ кальяна.

—«Наклони свое чело,
«Поцалуй меня, Роксана!
«Что ты дышешь тяжело?
«Мнѣ такъ весело съ тобою!
«Что уходишь ты? Постой!
«Я шербетъ не допилъ твой;
«Сядь ко мнѣ, побудь со мною».

* * *

Наклонилась головой
И къ устамъ моимъ прильнула;
Грустно въ очи мнѣ взглянула
(Какъ и всѣмъ, сгрустнулось ей).
—«Ты съ Роксаною веселой
«Не считаешь шумныхъ дней;
«Но нагрянетъ часъ тяжелый,
«Камнемъ ляжетъ онъ на грудь.
«Русскій! русскій, дай мнѣ руку!
«И на насъ, когда-нибудь,
«*Черный духъ* нашлётъ разлуку.
«Здѣсь ты вѣкъ не проживешь.
«Бѣдный русскій! Ты умрешь!
«Не на радость, а на скуку,
«Въ банѣ, лёжа на софахъ,
«Мнѣ о вашихъ небесахъ,
«Разъ армянка говорила....
«Всѣ слова я затвердила,

«Хоть не очень поняла.
«Ты умрешь! Хоть неохотно,
«А простишься ты со мной,
«И взлетитъ твой духъ безплотный
«На пустыя небеса;
«Скучной жизни, безконечный
«Не утѣшитъ дѣвы вѣчной
«Вѣчно-юная краса!»

* * *

И, опять взглянувъ съ печалью,
Шаль съ груди она сняла!
И чело мнѣ мягкой шалью,
Улыбаясь, обвила.
—«Русскій! Какъ къ тебѣ пристала
«Мною свитая чалма!
«Я ея бы не снимала
«И твою бы я сама
«Гребнемъ бороду чесала»...
Улыбаясь, цаловала
И опять какъ безъ ума,
И рѣзвилась, и скакала.

II.

БАЛЪ *).

(Князю П. А. Вяземскому).

Открылся балъ. Кружась, летѣли
Чета младая за четой;
Одежды роскошью блестѣли,
А лица — свѣжей красотой.
Усталый, изъ толпы я скрылся,
И жаркую склоня главу,
Къ окну въ раздумьи прислонился
И заглядѣлся на Неву.
Она покоилась, дремала,
Въ своихъ гранитныхъ берегахъ,
И въ тихихъ, сребренныхъ водахъ
Луна, купаясь, трепетала.

---

*) *Примѣчаніе.* Въ рукописномъ собраніи стихотвореній кн. А. И. Одоевскаго, принадлежащемъ В. П. Горленко, по поводу этой пьесы отмѣчено, что она по «Запискамъ» Бѣляева относилась къ 1827 г., а не къ 1825 г. «Мысль ея пришла въ голову поэту въ ту минуту, когда его, закованнаго въ цѣпи, провозили ночью, 1-го февраля, мимо дома кн. Кочубея, гдѣ былъ балъ».

Стоялъ я долго; залъ гремѣлъ...
Вдругъ безъ размѣра полетѣлъ
За звукомъ звукъ. Я оглянулся,
Вперилъ глаза, весь содрогнулся;
Морозъ по тѣлу пробѣжалъ.
Свѣтъ меркнулъ... Весь огромный залъ
Былъ полонъ остововъ... Четами
Сплетясь, толпясь, другъ друга мча,
Обнявшись желтыми костями,
Кружася, по̀ полу стуча,
Они залъ быстро облетали.
Лицъ прелесть, становъ красота,
Съ костей ихъ всѣ покровы спали.
Одно осталось: ихъ уста,
Какъ прежде, все еще смѣялись;
Но одинаковъ былъ у всѣхъ
Широкихъ устъ безгласный смѣхъ.
Глаза мои въ толпѣ терялись:
Я никого не видѣлъ въ ней;
Всѣ были сходны, всѣ смѣшались:
Плясало сборище костей.

1825 г.

III.

НА ПРІѢЗДЪ ВЪ СИБИРЬ КЪ ЖЕНИХУ.

(Эмиліи Петровнѣ Ивашевой) *).

По дорогѣ столбовой
Колокольчикъ заливается,
Что не парень удалой
Мягкимъ снѣгомъ опушается;
Нѣтъ, то ласточка летитъ
По дорогѣ, красна дѣвица.
Мчатся кони... Отъ копытъ
Вьётся легкая метелица.

* * *

Кроясь въ пухѣ соболей,
Вся душою вдаль уносится,
Изъ задумчивыхъ очей
Капля слезъ за каплей просится...
Грустно ей... Родная мать
Тужитъ тугою сердечною;

*) Жена декабриста Вас. Петр. Ивашева.

Больно душу оторвать
Отъ души разлукой вѣчною.

* * *

Сердце горю суждено,
Сердце на-двое не дѣлится;
Разрывается оно...
Дальній путь предъ нею стелется.
Но зачѣмъ въ степную даль
Свѣтъ-душа стремится взорами?
Ждетъ и тамъ ее печаль
За желѣзными затворами.

* * *

«Съ другомъ любо и въ тюрьмѣ!»
Въ думѣ мыслитъ красна дѣвица:
«Свѣтъ онъ мнѣ въ могильной тьмѣ.
«Встань, неси меня, метелица!..
«Занеси въ его тюрьму!
«Пусть, какъ птичка домовитая,
«Прилечу и я къ нему,
«Притаюсь, людьми забытая».

IV.

СЛАВЯНСКІЯ ДѢВЫ.

Нѣжны и быстры ваши напѣвы,
Что̀ жь не поете вы, ляшскія дѣвы,
Въ ладъ ударяя легкой стопой?
Сербскія дѣвы — пѣсни простыя
Любите пѣть вы; но чувства живыя
Въ дикомъ напѣвѣ блещутъ красой.

* * *

Кто же напѣвы чѐхинь услышитъ?
Звучныя пѣсни сладостныхъ дѣвъ
Дышатъ любовью — славою дышатъ...
Помня всю жизнь и пѣснь и напѣвъ.
Дѣвы! согласно что̀ не поёте
Пѣсни святыя минувшихъ временъ?
Въ голосъ единый что̀ не сольете
Всѣхъ голосовъ славянскихъ племенъ?

* * *

«Боже, когда же сольются потоки
Въ рѣку одну, какъ источникъ одинъ!
Да потечетъ сей потокъ исполинъ
Ясный, какъ небо, какъ море широкій,
И, увлажая полміра собой,
Землю украситъ могучей красой!»

* * *

Старшая дочь въ семействѣ славяна,
Всѣхъ превзошла величіемъ стана —
Славой гремитъ, но грустно живётъ *);
Въ теремѣ дни проводитъ, какъ ночи,
Грусть на челѣ, заплаканы очи,
И заунывныя пѣсни поётъ.

* * *

Что же не выйдешь въ чистое поле,
Не разгуляешь грусти своей?
Свѣтло душѣ на солнышкѣ-волѣ,
Сердцу тепло отъ ясныхъ лучей...
Въ поле спѣши, съ меньшими сестрами,
И хороводъ весь веди за собой;
Дружно сплетясь руки съ руками,
Радостно пѣсню свободы запой...

---

*) Въ спискѣ очевидно ошибка: «поётъ».

«Боже, когда же сольются потоки
Въ рѣку одну, какъ источникъ одинъ!
Да потечетъ сей потокъ исполинъ,
Ясный, какъ день, какъ море широкій,
И, увлажая полміра собой,
Землю украситъ могучей красой».

V.

КЪ ***.

Какъ носятся тучи за вѣтромъ осеннимъ,
Я мыслью ношусь за тобою;
А встрѣчусь — забьется въ груди ретивое,
Какъ листъ запоздалый на вѣткѣ.

Хотѣлъ бы—какъ небо въ глубь синяго моря—
Смотрѣть, и смотрѣть тебѣ въ очи!
Привѣтливой рѣчи, какъ пѣсни родимой,
Въ изгнаньи хотѣлъ бы послушать!

Но свѣта въ пространствѣ падучей звѣздою
Мелькнешь, ненаглядная, мимо —
И снова невидно, и снова тоскую,
Усталой душой сиротѣя...

VI.

ЭКСПРОМТЪ.

Звучитъ вся жизнь, какъ звонкій смѣхъ;
Отъ жара чувствъ душа не вянетъ...
Люблю я всѣхъ — и пью за всѣхъ.
Вина, ей-Богу, не достанетъ!

* * *

Я меньше пью, за то къ вину
Воды во вѣкъ не примѣшаю...
Люблю одну — и за одну
Всю чашу жизни осушаю!

1828 г. Петровское *).

*) Въ «Русскомъ Архивѣ» 1874 г. т. II, стр. 704, эта пьеса отнесена ко 2-му мая 1830 г. и посвящена Н. И. Лореру.

VII.

ОХЛАЖДЕНІЕ.

Мучительно слѣдить за медленной утратой,
(Годами купленной) — любовію богатой
И близкой намъ души! Нести завѣтныхъ узъ
Не въ силахъ бѣдная. Таинственный союзъ
Разрушенъ навсегда. Не умыселъ коварный
Созрѣлъ измѣною въ душѣ неблагодарной...
Не легкомысліе, не медленный разсчотъ
На связи прежнія въ ней холодно встаётъ...
Другой лежитъ ей путь, другія впечатлѣнья
Уносятъ прежнія: не гнѣва, не презрѣнья,
А пламенныхъ молитвъ и непритворныхъ слезъ
Достойна бѣдная. Блаженъ, кто перенесъ
Паденіе ея безъ грѣшнаго укора,
Кто въ преступленіе ей не вмѣнилъ позора,
Кто цѣломудренно хранилъ въ душѣ своей
Воспоминаніе однихъ прошедшихъ дней,
Кто для нея сберегъ одни благословенья,
Да дружбу грустную, да слезы умиленья!

VIII.

ТЫ ЗНАЕШЬ ИХЪ?

Ты знаешь ихъ, кого я такъ любилъ,
Съ кѣмъ чорную годину я дѣлилъ?
Ты знаешь ихъ? Какъ я, ты жалъ имъ руку
И передалъ мнѣ дружный разговоръ,
Душѣ моей знакомый съ давнихъ поръ;
И я опять внималъ родному звуку;
Казалось, былъ на родинѣ моей,
Опять въ кругу союзниковъ-друзей.

Такъ путники идутъ на богомолье,
Сквозь огненно-песчаный океанъ —
И пальмы тѣнь, студёныхъ водъ приволье
Манятъ ихъ вдаль... лишь сладостный обманъ
Чаруетъ ихъ; но ихъ бодрѣютъ силы —
И далѣе проходитъ караванъ,
Забывъ про зной пылающей могилы.

IX.

ДВА ОБРАЗА.

Мнѣ въ ранней юности два образа предстали,
И вѣчно ясные, надъ сумрачнымъ путёмъ,
Слились въ созвѣздіе, свѣтились сквозь печали,
И согрѣвали духъ живительнымъ лучомъ.

* * *

Я возносился къ нимъ, съ молитвой благодарной;
Слѣдилъ ихъ мирный свѣтъ и жаждалъ ихъ огня.
И каждая черта красы ихъ свѣтозарной
Запала въ душу мнѣ и врѣзалась въ меня.

* * *

Я міра не узналъ въ отливѣ ихъ сіянья —
Казалось, предо мной открылся міръ чудесъ;

Онъ ихъ лучами цвѣлъ, и блескъ всего созданья
Былъ отсвѣтъ òбразовъ, свѣтившихъ мнѣ съ
небесъ,

* * *

И жаждалъ я на все пролить ихъ вдохновенье,
Блестящій ими путь сквозь бури провести ..
Я въ море бросился — и бурное волненье
Пловца умчало въ даль по шумному пути.

* * *

Свѣтились двѣ звѣзды: я видѣлъ ихъ сквозь
тучи;
Я ими взоръ поилъ; но всталъ девятый валъ,
На влажную главу подъялъ меня могучій,
Меня недвижнаго понесъ онъ и примчалъ —

* * *

И съ пѣной выбросилъ въ могильную пустыню;
Что̀ шагъ — то̀ гробъ, на жизнь — отвѣтной
жизни нѣтъ;

Но я еще хранилъ души моей святыню,
Завѣтныхъ образовъ небесный огнь и свѣтъ!

* * *

Что искрилось въ душѣ, что изъ души тѣснилось,
Все было ихъ огнемъ. Ихъ лучъ меня живилъ;
Но небо надо мной померкло и спустилось —
И пали двѣ звѣзды на камни двухъ могилъ...

* * *

Онѣ разсыпались, онѣ смѣшались съ прахомъ —
Гдѣ образы? Ихъ нѣтъ! Я каждую черту
Ловлю, храню въ душѣ, и съ нѣжностью и страхомъ,
Но не могу ихъ слить въ живую полноту.

* * *

Кто силу воскреситъ потухшихъ впечатлѣній
И въ образы сведетъ несвязныя черты?
Ловлю всѣ призраки летучихъ сновидѣній,
Но въ нихъ божественной не блещетъ красоты.

* * *

И только въ памяти, какъ на плитахъ могилы,
Два имени горятъ; когда я ихъ прочту,
Какъ струны задрожатъ всѣ жизненныя силы,
И вспомню я сквозь сонъ всю міра красоту.

1832.

XI.

ПОСЛѢДНЯЯ НАДЕЖДА.

(Е. А. Баратынскому.)

Промелькнулъ за годомъ годъ,
И за цѣпью дней минувшихъ
Улетѣлъ надеждъ блеснувшихъ
Лучезарный хороводъ.

Лишь одна изъ дѣвъ воздушныхъ
Запоздала. Сладкій взоръ,
Легкій шопотъ устъ воздушныхъ *),
Твой небесный разговоръ

Внятны мнѣ. Тебѣ охотно
Я вѣряюсь всей душой.
Тихо плавай надо мной,
Плавай, другъ мой неотлётный!
Всѣ исчезли. Ты одна

*) Очевидно ошибка: два раза слово «воздушныхъ» (вѣроятно, «послушныхъ» — во второй рифмѣ).

На яву, во время сна,
Навѣваешь утѣшенье.
Ты въ залогъ осталась мнѣ,
Завѣряя, что онѣ
Не случайное видѣнье,
Что приснятся и другимъ
И зажгутъ лучомъ своимъ
Думъ высокихъ вдохновенье!

1829 г.

XII.

Въ альбомъ Марьи Николаевны Волконской.

(Въ день ея рожденія, 25-го декабря 1829 года).

Былъ край, слезамъ и скорби посвященный
Восточный край, гдѣ розовыхъ зарей
Лучъ радостный, на небѣ томъ рожденный,
Не услаждалъ страдальческихъ очей;
Гдѣ душенъ былъ и воздухъ вѣчно ясный,
И узникамъ кровъ свѣтлый докучалъ,
И весь обзоръ обширный и прекрасный
Мучительно на волю вызывалъ.

* * *

Вдругъ ангелы съ лазури низлетѣли
Съ отрадою къ страдальцамъ той страны,
Но прежде свой небесный духъ одѣли
Въ прозрачныя, земныя пелены.
И вѣстники благіе Провидѣнья
Явилися, какъ дочери земли,
И узникамъ, съ улыбкой утѣшенья,
Любовь и миръ душевный принесли.

* * *

И каждый день садились у ограды,
И сквозь нея небесныя уста
По каплѣ имъ точили медъ отрады...
Съ тѣхъ поръ лились въ темницѣ дни, лѣта;
Въ затворникахъ печали всѣ уснули,
И лишь они страшились одного,
Чтобъ ангелы на небо не вспорхнули,
Не сбросили покрова своего.

XIII.

РОЗА И СОЛОВЕЙ.

«Что̀ ты склонилась такъ печально,
Что̀ не глядишь ты на меня?
Давно пою и славлю розу,
А ты не слушаешь меня!»

* * *

— Зачѣмъ мнѣ слушать? слишкомъ громко
Поешь ты про свою любовь.
Мнѣ грустно; ты меня не любишь,
Поешь не для меня одной!

* * *

«Но ты, какъ дѣва Франкистана,
Не расточай души своей;
Мнѣ одному отдай всю душу —
Тогда я тихо запою!»

XIV.

НА СМЕРТЬ ГРАФА П. П. КОНОВНИЦЫНА.

На грозномъ приступѣ, въ пылу кровавой битвы,
Онъ нѣжной матери нигдѣ не забывалъ —
Онъ имя сладкое сливалъ
Со словомъ искренней молитвы...
Опять увидѣть взоръ очей,
Услышать радостные звуки,
Прижать къ устамъ уста и руки
Любимой матери своей —
Вотъ были всѣ его желанья!
Уже минули дни страданья —
Ее опять увидѣлъ онъ;
Но дни минутные свиданья,
Но ихъ взаимно сладкій сонъ
Едва приснился имъ... и снова
Изъ-подъ семейственнаго крова
Онъ въ край восточный полетѣлъ...
Восторгомъ взоръ еще горѣлъ;
Еще отъ сладкаго волненья
Вздымалась радостная грудь —
И, не докончивъ сновидѣнья.
Уже онъ кончилъ жизни путь...

Когда, въ послѣдній часъ, изъ устъ тѣснился духъ,
Онъ вспомнилъ, съ горестью глубокой,
О нѣжной матери, объ узницѣ далекой —
И съ третьимъ именемъ потухъ...

1832.

XV.

НА ПРІѢЗДЪ ВЪ СИБИРЬ НАСЛѢДНИКА ЦЕСАРЕВИЧА *).

Солнце новое встаетъ
Надъ Сибирью хладной
И на темный сѣверъ льетъ
Жизни лучъ отрадной.
Бьются радостно сердца:
Первенецъ Царя-Отца
Въ край грядетъ обширный —
Поглядѣть на свой народъ,
На потомковъ мощныхъ ордъ,
Свыкшихъ съ жизнью мирной.
Воспряни жъ, Сибирскій край!
Полный умиленья,
Громко къ небу возсылай
Теплыя моленья!
Бережетъ тебя судьба,
Помнитъ Царь вдали тебя —

*) Въ Бозѣ почившій Государь Императоръ Александръ Второй, будучи Наслѣдникомъ Престола, посѣтилъ въ 1837 году Тюмень и Ялуторовскъ 4-го іюня, Курганъ 5-го іюня и Челябинскъ 6-го іюня.

И красу престола
Молодаго сына шлетъ
Осчастливить свой народъ
На брегахъ Тобола.

XVI.

Склонясь рукой на грань Урала,
Главу сокрывъ въ полярныхъ льдахъ,
Сибирь печальная лежала
На снѣговыхъ своихъ коврахъ.

* * *

И тщетно жизнію роскошной
Въ ея отчизнѣ все цвѣло,
Она склоняла въ сонъ тревожной
Отяжелѣвшее чело.

* * *

Но то не смерть! Порой являлась
Надъ ней отрадная заря,
И жизнь въ груди ея держалась
Далекимъ именемъ Царя.

* * *

И отзывъ мощнаго глагола
Будилъ ее во тьмѣ ночной,
И сонмъ блестящихъ звѣздъ Престола
Горѣлъ пророчески надъ ней.

* * *

Она жила, она дышала
Святою вѣрою въ судьбу,
И всѣ желанія сліяла
Въ одну немолчную мольбу *):

* * *

«Да посѣтитъ востокъ Владыко
«Ее съ надзвѣздной высоты,
«Да изведетъ въ свой свѣтъ великой
«Сѣдящихъ въ узахъ темноты!»

* * *

Но два столѣтья скорбной ночи
Надъ нею медленно текли
И тяжкимъ сномъ смыкали очи
Подъ мракомъ неба и земли...

*) Въ спискѣ, вѣроятно, ошибка: «гудьбу».

XVII.

Вдругъ надъ высями Урала
И въ кристальныхъ искрахъ льда
Яркимъ блескомъ задрожала
Благодатная звѣзда.

* * *

Къ небу, къ небу взоръ привѣта!
Радость сердца и очесъ,
То предвѣстница разсвѣта
Мрачныхъ сѣвера небесъ!

* * *

Вотъ блеститъ въ ночи глубокой
Съ вѣнценоснаго чела
Первородный лучъ Востока
Солнца русскаго стрѣла!

* * *

Сыплетъ благостью отраду;
Слѣдъ его — блаженства слѣдъ;

И въ недвижную громаду
Онъ вливаетъ жизнь и свѣтъ.

* * *

И встаетъ страна тумана,
Въ блескѣ радостнаго дня,
Съ темной бездны океана
До рифейскаго кремля.

* * *

Движетъ древнія твердыни,
Рветъ богатой поясъ свой,
И властителей пустыни
Предсылаетъ предъ собой.

* * *

Вотъ она у стопъ владыки —
Вся покорность! вся любовь!
И торжественные клики
Потрясаютъ глубь лѣсовъ.

XVIII.

Итакъ, исполнены желанья!
Отецъ услышалъ гласъ дѣтей
И далъ намъ видѣть свѣтъ сіянья
Въ любови царственной своей.

* * *

Ты, благодатный, между нами!
Ты первый видѣлъ нашу грань –
И мы лобзали со слезами
Твою властительную длань

* * *

И новой радугой завѣта
Ты былъ возлюбленной для насъ,
И зрѣли очи свѣтъ отъ свѣта,
И слухъ нашъ слышалъ царскій гласъ.

* * *

Теперь исчезнетъ нареканье
На насъ народныя молвы,

И мы участвуемъ въ сіяньи
Державныхъ Бельта и Москвы.

* * *

Надежда сѣверной державы!
Лавръ полуночнаго вѣнца!
Цвѣти подъ сѣнью русской славы
Достойнымъ первенцомъ отца!

* * *

Ужъ русской лиры мощный геній
Готовъ вѣщать дѣла твои,
И передать для поколѣній
Въ благословеніяхъ любви.

* * *

А ты, Творецъ непостижимый!
Молитвы теплыя внемли:
Да будетъ онъ, тобой водимый,
Твоимъ подобьемъ на земли.

XIX.

ПОЭЗІЯ.

Какъ я давно поэзію оставилъ!
Я такъ ее любилъ! я черпалъ въ ней
Всѣ радости, усладу скорбныхъ дней,
Когда въ снѣгахъ пустынныхъ міръ я славилъ,
Его красу и стройность вѣчныхъ дѣлъ,
Господнихъ дѣлъ, грядущихъ къ высшей цѣли
На небо, гдѣ мнѣ звѣзды не яснѣли;
И на землѣ, гдѣ въ узахъ я коснѣлъ —
Я тихо пѣлъ пути живого Бога,
И всей душой Его благодарилъ,
Какъ ни темна была моя дорога,
Какъ ни терялъ я свѣжесть юныхъ силъ...
Въ поэзіи, въ глаголахъ Провидѣнья,
Всепреданный искалъ я утѣшенья —
Живой воды источникъ я нашолъ!
Поэзія — не Божій ли глаголъ,
И пѣньемъ птицъ, и бурями воспѣтый?
То въ радугу, то въ молнію одѣтый,
И въ цвѣтъ полей, и въ звѣздный хороводъ,
Въ порывы тучъ, и въ глубь бездонныхъ водъ
Единый ввѣкъ и вѣчно разнозвучный!

О другъ, со мной въ печаляхъ неразлучный,
Поэзія! слети и мнѣ повѣй
Опять твоимъ божественнымъ дыханьемъ!
Мой вѣрный другъ! когда однимъ страданьемъ
Я мѣрилъ дни, считалъ часы ночей —
Бывало, кто приникнетъ къ изголовью
И шепчетъ мнѣ, цѣлитъ меня любовью
И сладостью возвышенныхъ рѣчей?
Слетала ты, мой ангелъ-утѣшитель!
Пусть другъ суетъ, столицъ животный житель,
Глотая пыль и прозу мостовой,
Небесная, смѣется надъ тобой!
Пусть нашъ Протей С. *), твой гонитель,
Пути ума усыпавъ остротой,
Катается по прозѣ вѣчно гладкой
И сѣетъ слухъ, что вѣкъ проходитъ твой!
Не знаетъ онъ поэзіи святой,
Поэзіи страдательной и сладкой!
Въ дни чорные не нѣжилъ твой напѣвъ
Его души; его понятенъ гнѣвъ:
Твой райскій цвѣтъ съ его дыханьемъ вянетъ,
И на тебя ль одну, на всё, на всѣхъ
Онъ съ горя мечетъ судорожный смѣхъ —
Кроитъ живыхъ, у мертвыхъ жилы тянетъ?
Онъ не росу небесъ, но ядъ земли —

*) Здѣсь въ рукописи *имя* зачеркнуто — очевидно, имя Сенковскаго, какъ говорится далѣе «святой Руси пріемышъ благодарный».

Злословье льетъ, какъ демонъ, отъ безсилья;
Не въ небесахъ слѣдитъ онъ орли крылья,
Но только тѣнь ихъ ловитъ онъ въ пыли,
И только прахъ несетъ намъ въ даръ коварный —
Святой Руси пріёмышъ благодарной!
Но нѣтъ! въ пылу заносчивыхъ страстей,
Не убѣдитъ причудливый Протей,
Что часъ пробилъ свершать по музамъ тризны,
Что пѣснь души — игрушка для дѣтей,
И царствуетъ одна лишь проза жизни,
Какъ въ жизни есть минуты, гдѣ отъ мукъ
Сожмется грудь, и сердцу не до прозы;
Томится вздохъ въ могучій, чудный звукъ,
И дрожь бѣжитъ, и градомъ льются слезы...
Мучительный, небесный мигъ! Поэтъ
Въ свой тѣсный стихъ вдыхаетъ жизнь и вѣчность,
Какъ самъ Господь вдохнулъ въ свой Божій свѣтъ—
Въ конечный міръ всю духа безконечность.
Когда, шутя, нашъ *Менцель* лѣпитъ воскъ
И подъ ногой свой идеалъ находитъ,
Бальзака врагъ, его же лживый лоскъ
На чуждый намъ, наборный слогъ наводитъ —
Поэтъ горитъ! изъ глубины горнилъ
Текутъ стихи — ихъ плавитъ вдохновенье;
Въ нихъ дышетъ мысль, порывъ безсмертныхъ
силъ —
Души творца невольное творенье!

XX.

А. М. П — ОЙ.

Когда, въ часы бездѣлія, въ Москвѣ,
Вы призадумаетесь вволю,
Дерзну ль надѣяться, что въ вашей головѣ
Иль въ сердцѣ—не могу свою рѣшить я долю —
Меня вы встрѣтите подъ-часъ
Въ ряду своихъ воспоминаній,
И не для сильныхъ поруганій,
А съ блескомъ радости изъ глазъ?
Но нѣтъ... Я выразился сильно.
Подумайте о мнѣ, съ улыбкою умильной,
И, покачавши головой,
Скажите: «Вотъ шалунъ!.. Однако же — не злой!»

10 янв. 1838 г.

XXI.

ЛАВИНА.

Какъ вмѣстѣ великъ и ничтоженъ человѣкъ въ порывахъ своихъ!.. (Мысль).

Рванулась... катится по скату крутогора
И кажется она для трепетнаго взора
Орудіемъ небеснаго укора
За преступленія юдольныхъ поселянъ...
И громъ ея гремитъ средь скатовыхъ полянъ.

Лѣсъ ли путь ей застилаетъ?
Пронеслась — и лѣсъ лежитъ;
Все ничто, все разрушаетъ!
Вотъ утесъ, утесъ дрожитъ...

Но, затвердѣлый въ бореньѣ съ вѣками,
Герой отстоялъ нанесенный ударъ...
Крутится, свищетъ, воетъ шаръ...
Снѣгъ вьется вкругъ него клубами...

Вотъ покатился
Шаръ въ свирѣпѣньи;

Вотъ онъ забился
Въ шумномъ бореньи:

Вотъ встрепенулся,
Быстро скакнулъ;
Вотъ повернулся,
Въ безднѣ очнулся,
Твердь покачнулъ...

Въ селеньѣ юдольномъ, въ странѣ, одаренной
Обильною жатвой, пастушка сидитъ;
Поетъ она пѣснь о порѣ незабвенной,
Любимаго память она голоситъ...

Блеяніе мирнаго стада,
Невинной пастушки отрада —
Все рушилось вдругъ!.. налетѣлъ — поглотилъ...
Съ утеса палъ въ озеро — вышлеснулъ волны
Шаръ грозный, могучій и ярости полный...
Селенья вблизи — ихъ волной затопилъ...

И вотъ катится шаръ
По озёрному ложу;
Отъ него снѣгъ и паръ...
«Все» гремитъ «уничтожу!..»

Вотъ остановился...
Солнцемъ озарился,

Вотъ ужь таетъ онъ...
Въ воды превращёнъ!..

Такъ и сила человѣка...
Разрушаетъ міръ, съ полвѣка...
И что̀ жъ?.. Явился духъ-спаситель —
И палъ на вѣкъ поработитель!..

XXII.

ГЛЕТШЕРЪ.

Пышный дворецъ исполиномъ стоитъ;
Блескомъ алмазовъ повсюду горитъ;
Снѣжный фундаментъ бѣлѣетъ *) подъ нимъ;
Рознится гордо онъ съ мракомъ лѣснымъ,
Что̀ обвиваетъ низъ горній окрестъ.
Кто жъ обитатель высокихъ тѣхъ мѣстъ?

* * *

Стѣны изваяны дивнымъ рѣзцомъ;
Крова невидно надъ пышнымъ дворцомъ.
Все въ немъ открыто; все въ немъ горитъ;
Все восхищенью въ немъ говоритъ.
Вкругъ пирамиды, вкругъ алтари;
Въ нихъ приношеній чистыхъ дары;
Идолы бѣлые всюду стоятъ;
Хладно, но гордо на жертвы глядятъ...
Кто же ваятель дивный дворца?
Долгъ нашъ прославить чудо-рѣзца!

* * *

*) Въ спискѣ «бѣлится»—очевидно ошибка.

Внизъ постепенно стелется лѣсъ,
Необозримый для слабыхъ очесъ.
Чаще все, чаще, къ низу — темнѣй,
Все живописнѣй, къ низу — густѣй.
Кто жъ тамъ гуляетъ? Кто жъ тамъ царитъ?
Кто же оттуда долу глядитъ?

Давней руиной Генья трудовъ,
Переборовшей силу вѣковъ,
Высится глетшеръ то ледяной;
Житель въ немъ — смерти царь роковой.

* * *

Старый, искусный рѣщикъ дворца —
Вѣкъ, отрасль вѣчности, мысли Творца...
Лѣсъ... Въ немъ гуляетъ смертный пришлецъ —
Міра фантазіи сирый жилецъ...

Въ немъ духъ мечтаній пылкій царитъ;
Тихо оттуда всюду глядитъ;
Въ мірѣ повсюду зритъ суету,
Чистыхъ стремленій зритъ нищету...
Долу — дней сельскихъ міръ вѣковой,
Въ выси — богатства хладъ ледяной!

22-го января 1838 г.

XXIII.

БРАКЪ ГРУЗІИ СЪ РУССКИМЪ ЦАРСТВОМЪ.

Дѣва черноглазая! Дѣва чернобровая!
Грузія — дочь и зари и огня!
Страсть и нѣга томная, прелесть вѣчно новая
Дышетъ въ тебѣ, сожигая меня!

* * *

Не томитъ тебя кручина
Прежнихъ пасмурныхъ годовъ!
Много было жениховъ —
Ты избрала исполина!

* * *

Вотъ онъ идетъ... По могучимъ плечамъ
Пышно бѣгутъ свѣтлорусыя волны;
Взоръ подобенъ небеснымъ звѣздамъ —
Весь онъ и жизни и крѣпости полный!
Гордо идетъ, безъ щита и меча...
Только съ лѣваго плеча
Зыблясь падаетъ порфира;
Свѣтлъ онъ, какъ снѣгъ, грудь, что̀ степь, широка,
А желѣзная рука
Твердо правитъ осью міра!

* * *

Вышла невѣста на встрѣчу; любовь
Зноемъ полудня зажгла ея кровь;
И, откинувъ покрывало
Отъ стыдливаго чела,
Вдаль все глядѣла, всѣмъ звукамъ внимала,
Тамъ подъ Казбекомъ, въ ущельѣ Дарьяла,
Жениха она ждала!

* * *

Въ сладостномъ Босфорѣ съ нимъ повстрѣчалась
И перстнями помѣнялась;
Въ пѣнѣ Терека къ нему
Бросилась бурно въ объятья, припала
Нѣжно на грудь жениху своему,
Приняла душу, и вся просіяла,
Прошлыхъ вѣковъ не тревожась печалью,
Вѣчно къ Россіи любовью горя,
Слитая съ нею, какъ съ бранною сталью,
Пурпуръ заря!

12 апрѣля 1838 г.
Тифлисъ.

XXIV.

Зачѣмъ ночная тишина
Не принесетъ живительнаго сна
Тебѣ, страдалица младая?
Уже давно заснули небеса;
Какъ усыпительна ихъ сонная краса
И дремлющихъ полей недвижимость ночная!
Спустился мирный сонъ, но сонъ не освѣжитъ
Тебя, страдалица младая!
Опять недугъ порывомъ набѣжитъ,
И жизнь твоя, какъ листъ предъ бурей, задрожитъ.
Онъ, жилы нѣжныя, какъ струны, напрягая,
Идетъ, бѣжитъ, но нимъ ударитъ, и въ отвѣтъ
Ты вся звучишь и страхомъ и страданьемъ;
Онъ жжетъ тебя, мертвитъ своимъ дыханьемъ,
И по листу срываетъ жизни цвѣтъ...
И каждый мигъ усиливая муку,
Онъ въ грудь твою впился, онъ царствуетъ въ тебѣ.
Ты вся изнемогла въ мучительной борьбѣ;
На выю съ трепетомъ ты наложила руку;
Ты вскрикнула, огнь брызнулъ изъ очей,
И на одрѣ безрадостныхъ ночей
Привстала, бѣдная: въ очахъ горитъ мученье,
Страдальческимъ огнемъ блеститъ безумный взоръ,
Блуждаетъ жалобный и молитъ облегченья...

Еще проходитъ мигъ; вновь тянутся мгновенья
И рвется изъ груди чуть слышимый укоръ:
«Нѣтъ жалости у васъ! Постойте! вы такъ больно,
«Такъ часто мучите меня...
«Минуты нѣтъ покойной. Нѣтъ! довольно
«Страдала я въ сей жизни; силы нѣтъ»...

ВАСИЛЬКО́.

Пѣснь первая.

1.

Кипѣлъ народъ на стогнахъ Теребовля.
Глашатая послыша громкій зовъ,
Спѣшили старъ и младъ; они, какъ волны,
Со всѣхъ сторонъ стеклись на княжій дворъ,
Сошлись въ толпы и шепчутъ: «Что задумалъ
Нашъ Василько? зачѣмъ онъ позвалъ насъ?»
Въ волненьи ждутъ, жужжа какъ рой пчелиный.
И вышелъ князь со свѣтлою дружиной.

2.

Явился онъ, какъ мѣсяцъ въ сонмѣ звѣздъ.
Замолкли всѣ и низко поклонились.
Склоня чело, онъ съ краснаго крыльца
Заводитъ такъ отеческое слово:
«Вы знаете, сыны мои, для васъ,
Для тишины всей Руси православной,
Былъ съѣздъ князей, гдѣ, потушивъ раздоръ,
Мы клятвою скрѣпили договоръ.

3.

«Князь Святополкъ, и Мономахъ разумный,
И всѣ князья, сѣвъ на одинъ коверъ,
Мы въ Любичѣ, какъ братья, примирились.
Нѣтъ, полно намъ губить святую Русь!
Мы, русскіе, забыли мать родную *),
У матери сыны терзали грудь.
Но миръ насталъ — и крестное лобзанье
Ея на вѣкъ окончило страданье.

4.

«Уже на Русь не придутъ, какъ на миръ,
Толпы враговъ за вражьими толпами,
И Господомъ благословенныхъ нивъ
Ихъ бурные набѣги не потопчутъ.
Въ былой красѣ возстанутъ города,
И гдѣ теперь церквей сѣрѣетъ пепелъ,
Тамъ снова Спасъ сберетъ подъ отчій кровъ
Своихъ людей, спасенныхъ отъ оковъ.

5.

«Во времена раздора, Богъ всѣ кары
И гладъ и моръ на насъ ниспосылалъ;

*) Варіантъ: Мы, русскіе, вцились въ нее, какъ враны.

Но онъ призрѣтъ на клятву примиренныхъ.
Мы на крестѣ произнесли обѣтъ:
Да будетъ Русь намъ общею отчизной,
И если кто изъ насъ нарушитъ миръ,
Возстанемъ всѣ — пойдутъ на брата братья,
И крестъ, и огнь, палящій огнь проклятья!

6.

«Теперь, когда вся русская земля
Ограждена и крестнымъ цалованьемъ,
И дружными щитами всѣхъ князей,
Что̀ медлить намъ? Подъимемъ стягъ на ляховъ,
Въ предѣлы ихъ внесемъ огонь и смерть,
И сломимъ духъ враговъ непримиримыхъ!
Но кто изъ васъ послѣдуетъ за мной
Въ веселый пылъ тревоги боевой?

7.

«Пойдемъ, друзья, за славой и добычей,
Въ страну враговъ. Пусть старцы, пусть отцы
Блюдутъ дома и мужи охраняютъ;
Но трубный звукъ васъ, юноши, зоветъ!
Во браняхъ вы еще не искусились.
Идите въ бой — и ляшскимъ серебромъ
Соборный храмъ заблещетъ; наши жоны
Украсятъ имъ домашнія иконы.

8.

«Что̀, други?» — «Всѣ готовы за тобой!»
Воскликнули и юноши, и мужи:
«Мы рады всѣ за нашимъ Васильком̀ъ!»
И двинулись къ нему въ порывѣ сердца,
И пламень, какъ зарница, заигралъ
Во всѣхъ очахъ толпы тысячеглавой.
Всѣ рвутся въ бой, всѣ восклицаютъ вновь:
«Твои—нашъ конь, нашъ мечъ, вся наша кровь!»

9.

Тогда одинъ изъ городскихъ старѣйшинъ
Ступилъ впередъ: «Кто отъ души не радъ
И честь и смерть дѣлить съ твоей дружиной?
Но ты у насъ гостишь, а не живешь.
А безъ тебя мы краспыхъ дней не видимъ.
Останься! судъ нужнѣе намъ войны.
Когда ты здѣсь — и тяжбы нѣтъ въ народѣ:
Живемъ въ любви на отческой свободѣ.

10.

«Къ тебѣ идемъ на судъ, на княжій дворъ,
Всѣ съ радостью: и смердъ и горожанинъ.
Пойдешь въ походъ? Тіунъ твой судитъ насъ,
А не миритъ, какъ ты нашъ миротворецъ.»

— «Нельзя намъ ждать» князь старцу отвѣчаетъ.
«Дни осени настали, а весною
Не захочу оратая коней
Отторгнуть отъ невспаханныхъ полей.

11.

«Васъ ляхъ своимъ считаетъ достояньемъ.
Онъ помнитъ дань червленскихъ городовъ.
Нѣтъ, вѣрьте мнѣ: въ душѣ его коварной
Не дремлетъ месть; онъ не забудетъ ввѣкъ,
Какъ нашу Русь отъ половцовъ спасая,
Навелъ я ихъ на Польшу, какъ поля
Опустошалъ я хищными полками
И села жогъ, губя враговъ врагами.

12.

«Но снова ляхъ послышитъ грозный кликъ:
На помощь звалъ я торковъ, берендѣевъ,
И половцовъ союзныхъ племена;
На встрѣчу имъ я съ младшею дружиной
Иду на Днѣпръ, и буйныя толпы
Самъ проведу чрезъ русскіе предѣлы;
Настигну васъ, и съ бугскихъ береговъ
Мы дружно всѣ нахлынемъ на враговъ.»

13.

Князь Василько окинулъ всѣхъ очами
И, поклонясь народу, въ гридню онъ
Съ дружиною при кликахъ возвратился.
Всѣ разошлись обратно по домамъ:
Младые, снявъ со стѣнъ мечи и копья,
Острили ихъ и холили коней,
Да слушали, когда отцы и дѣды
Вели разсказъ про прежнія побѣды.

14.

Осѣданъ конь княжòй; онъ у крыльца
Храпитъ и ржотъ, по всадникѣ тоскуя;
Грызетъ онъ сталь и мечетъ гордый взоръ
На конный строй, оружіемъ блестящій.
Какъ жаръ глаза сверкаютъ. Подъ уздцы
Два отрока его, лаская, держатъ,
И подъ сѣдломъ играя, бурый конь
Горитъ въ златыхъ отливахъ, какъ огонь.

15.

Весь сонмъ бояръ нисходитъ по ступенямъ;
Но князя нѣтъ. Въ божницу онъ вошолъ
Обнять свою Мстиславну на прощанье;
Онъ къ ней вступилъ, и всплакалась она:

«Ты ѣдешь? ты не тронулся ручьями
Горючихъ слезъ? Меня тебѣ не жаль,
Не жаль меня, предчувствіемъ томимой!
Теперь не я, а мечъ — твой другъ любимый.»

16.

Огонь течетъ, не слезы изъ очей!
«Сердечный другъ! нѣтъ, ты меня не любишь!
Не вѣришь мнѣ? Не вѣрь, а ждетъ гроза.
Вчера мои двѣ дѣвушки сѣнныя
Къ ворожеѣ ходили: чорный путь!
Заснула я, но смутное видѣнье,
Зловѣщій сонъ мою встревожилъ грудь
И слышалось въ просоньи: чорный путь!

17.

«Не знаю я, сорòки или вѣдьмы,
Но злую вѣсть на утренней зарѣ
Надъ теремомъ вѣщуньи щекотали:
Не быть добру!» — «Ни словъ, ни темныхъ силъ
Не бойся! Я проѣздомъ черезъ Кіевъ
Свершу обѣтъ, молебенъ отслужу
Въ обители святого Михаила:
Насъ осѣнитъ покровъ его и сила.

18.

«Я помолюсь, и дастъ побѣду намъ
Заступникъ мой, небесный воевода.»
— «Такъ ѣдешь ты? но вспомни: насъ Господь
Благословилъ: въ себѣ ношу я бремя!
Твой первенецъ родится въ божій міръ
Не при тебѣ; и кто же первый взглянетъ
На твоего младенца?» Словъ своихъ
Не кончила, невольно голосъ стихъ.

19.

Она, вздохнувъ, къ его груди припала
И, какъ дитя, слезами залилась.
«Не плачь! походъ на ляховъ не продлится...»
Но слово самъ едва договорилъ...
Главою къ ней склонился, обнялъ друга,
Поцаловалъ въ чело, перекрестилъ,
И, скрывъ въ душѣ кручины тяжкой бремя,
Сошолъ, ступилъ въ серебряное стремя.

20.

Дворъ зазвучалъ отъ топота копытъ.
Дыханье занялось въ груди Мстиславны;
Изъ терема взглянула — нѣтъ его!
Послѣдній строй, рядъ отроковъ и гридней

Въ тесовыя тѣснился ворота;
Напутствія по стогнамъ раздавались;
Дворъ опустѣлъ — но въ опустѣлый дворъ
Еще она вперяла тусклый взоръ.

21.

Затихъ и шумъ вдали; но жаднымъ слухомъ
Еще она ловила каждый звукъ,
И крупныя жемчужины катились
Съ горячихъ вѣждъ изъ голубыхъ очей.
Она въ тоскѣ упала на колѣни,
Къ иконѣ взоръ сквозь слезы возвела,
И скорбь души, всю тяготу печали
Ея уста въ молитвѣ изливали.

22.

Граждане, между тѣмъ, за строемъ строй,
На красный дворъ несли свои доспѣхи;
За ними вслѣдъ раздался стукъ колесъ.
Куда везутъ ихъ брони? На Владиміръ,
А черезъ день идетъ и войско въ путь.
Три мечника несутъ княжіе латы,
Звенящую кольчугу, шлемъ стальной,
Украшенный насѣчкой золотой.

23.

Мстиславна сборъ услышала походный
И дѣвушку сѣнную позвала.
«Ты видѣла: безъ шлема, безъ кольчуги
Поѣхалъ князь? Онъ половцамъ себя
Довѣритъ, какъ друзьямъ. Я все забыла!
Его ли удержать я не могла?
Но на меня дохнула злая сила,
И все не то я въ страхѣ говорила.

24.

«Ворожея гадала при тебѣ?
Скажи мнѣ... нѣтъ! пусть снова загадаетъ...
Что̀ жь выпало?» — «Она шептала намъ:
Бѣда, какъ громъ: не ждешь откуда грянетъ!»
— «Такъ, половцы!.. мнѣ снилось, въ грудь его
Вонзился ножъ; меня обрызгалъ кровью;
Ощупала рукою — но по мнѣ
Лишь капли слезъ струились въ чудномъ снѣ.

25.

«Меня, мое дитя — онъ все оставилъ.
Зачѣмъ народъ не умолилъ его?
А я, зачѣмъ въ безпамятствѣ разлуки
Я именемъ господнимъ, всѣхъ святыхъ,

Къ ногамъ припавъ, его не заклинала?
Но поздно! Онъ на кіевскомъ пути,
Взметая пыль съ летучею дружиной,
Уже моей не тронется кручиной!»

Пѣснь вторая.

1.

Красуется престольный Кіевъ градъ,
Одушевленъ народнымъ ликованьемъ;
Веселый, громкій гулъ колоколовъ
Расходится, какъ влаги кругъ струистый;
И звуки сурнъ и бубновъ, слитый шумъ
Всѣхъ голосовъ, всѣхъ кликовъ благодарныхъ,
Благихъ небесъ достойный ѳиміамъ,
Соединясь, восходитъ къ небесамъ.

2.

Во всѣхъ церквахъ хвалу господню пѣли
За крестный миръ, за свѣтлый съѣздъ князей.
Толпы гражданъ по граду волновались
Изъ края въ край; во храмы рои жонъ
Шли въ ферезяхъ камчатныхъ, да краснѣли,
Какъ маковъ цвѣтъ; а гридни на коняхъ,

Какъ соколы, по улицамъ летали
И нищихъ на княжой обѣдъ сзывали.

3.

Всѣ собрались на ярославовъ дворъ:
Убогіе и странники и старцы;
Перекрестясь, усѣлись вкругъ столовъ;
Дубовые подъ брашнами трещали:
Добыча смѣлой ловли — тамъ буй-туръ,
Тутъ кабаны стояли, какъ живые,
И съ влагою искристо-золотой
Одна стопа шипѣла за другой.

4.

Самъ ласковый хозяинъ съ турьимъ рогомъ
Ходилъ вокругъ и старцамъ подносилъ *)
Кипящій медъ изъ рукъ своихъ державныхъ.
За нимъ и князь владимірскій, Давидъ,
И всѣ бояре шли да угощали.
Народъ, тѣснясь, толпился вкругъ двора
И повторялъ гостей веселыхъ клики:
«Да здравствуетъ на долго князь великій!»

---

*) Варіантъ: Ходилъ вокругъ и подносилъ гостямъ.

5.

За трапезой былъ странникъ; на челѣ
Бездоміе (бездоліе?), быть можетъ и невзгоды,
А не лѣта, прорѣзали бразды.
Взоръ пламенѣлъ изъ подъ склоненной вѣжды:
Въ окладистой и чорной бородѣ
Довременно сѣдины пробивались.
Такъ серебритъ луны незримый лучъ
Окраины широкихъ, темныхъ тучъ.

6.

Онъ всталъ, когда приблизился державный,
Съ поклономъ тихо всталъ онъ со скамьи,
Взглянулъ — печаль въ очахъ его сказалась *).
«Ты бѣденъ? Я на радость преложу
Твою печаль. И паволокъ и злата
Въ сей день проси всего!» — «Великій князь!
Я бѣденъ! но что̀ у души отъято,
Не возвратитъ твое княжое злато.

7.

«Я не тужу о бѣдности своей;
Богатымъ я не жилъ и не родился.

---

*) Варіантъ: Взглянулъ—слеза въ глазахъ его блеснула.

Нѣтъ! на̀ сердце иное налегло:
Я вспомнилъ... Но зачѣмъ тебя печалить
И облако на солнце наводить?»
«Нѣтъ, странникъ, скорбь повѣдай мнѣ!»—«Твой
образъ
Мнѣ брата, князь, напомнилъ твоего;
Высокій станъ и орлій взоръ его.

8.

«Уже давно нѣтъ князя Ярополка!
Онъ въ землю легъ; но памятную пѣснь
Еще сыны Бояна напѣваютъ.
Я пѣлъ дѣла, я пѣлъ и смерть его;
При мнѣ онъ палъ; я гнался за Нерядцомъ,
Мой жадный мечъ убійцы не настигъ;
Но вотъ рубецъ! на память онъ остался,
Что честно я за князя подвизался».

9.

«Дай злата, князь! прервалъ пѣвца Давидъ.
Онъ отъ тебя награды ждетъ за рану».
— «Нѣтъ, государь, жду милости иной:
Дозволь твое воспѣть гостепріимство.
Пусть нищіе, за хлѣбъ и соль твою
Отплатимъ мы хоть благодарнымъ словомъ,
И мой напѣвъ, пройдя изъ устъ въ уста,
Умчитъ его въ грядущія лѣта.»

10.

Запѣлъ Боянъ. Въ серебряныя гусли
Не ударялъ онъ легкою рукой
И съ голосомъ не созвучали струны —
Нѣтъ, съ хитростью пѣвецъ, какъ соловей,
Не сочеталъ божественнаго дара.
Лилася пѣснь, какъ вольная струя,
По первому порыву, безъ искуства,
Отъ полноты восторженнаго чувства:

* * *

«Видѣлъ я міра сильныхъ князей,
Видѣлъ царей пированья;
Но на пиру, но въ сонмѣ гостей
Братій христовыхъ не видѣлъ.
Слезы убогихъ искрами бьютъ
Въ чашахъ шипучаго мёда.
Гости смѣются, весело пьютъ
Слезы родного народа.

* * *

«Слава тебѣ! ты любишь народъ,
Чествуешь и бѣдныхъ и старцевъ.
Слава изъ рода въ будущій родъ,
Солнышку нашему слава!

Ты съ Мономахомъ Русь умирилъ
Кроткой, могучей десницей;
Тучи развѣя, ты озарилъ
Русское небо денницей.

* * *

«Слава князьямъ! Но въ стаѣ орловъ,
Слышите, граетъ и воронъ.
Онъ напитался тукомъ гробовъ,
Лоснятся перья отъ крови.
Очи — красу молодого чела —
Очи, подобны денницѣ,
Онъ расклевалъ — и кровью орла
Рдѣется въ орлей станицѣ.»

11.

Еще стоялъ осанисто пѣвецъ
И чорный взоръ, какъ молнія изъ мрака,
Сверкалъ. Глядѣлъ онъ долго на князей.
Народъ не зналъ, хвалить ли, нѣтъ Бояна.
И княжихъ словъ въ недоумѣньи ждалъ.
Но Святополкъ безмолвно озирался;
Сгущалась тьма на сумрачномъ лицѣ,
И въ горести забылъ онъ о пѣьцѣ.

12.

Онъ въ гридницу медлительной стопою
Идетъ, склоня угрюмое чело,
И проводивъ печальнаго очами,
Съ упрекомъ всѣ взглянули на пѣвца:
Зачѣмъ онъ пиръ разстроилъ?.. За державнымъ
Одинъ Давидъ послѣдовать дерзнулъ,
Пыталъ лица, очей его движенье
И, наконецъ, промолвилъ (въ) утѣшенье:

13.

«Я ближній твой по крови; кто иной
Отъ всей души твое раздѣлитъ горе?
Мнѣ былъ онъ по тебѣ дороже всѣхъ,
И долго самъ я сѣтовалъ о падшемъ.
Открой же мнѣ всю душу; я твой другъ!
Излей печаль о братѣ Ярополкѣ,
И будетъ намъ отраднѣе вдвоемъ
И горевать, и поминать о немъ.

14.

«Господь, Господь единый, а не люди
Тебя и насъ утѣшитъ. Но къ чему
Въ день пиршества пѣвецъ, презрѣнный нищій,
На язву ядъ излилъ? Что̀ до князей

За дѣло имъ?» — «Я за любовь ко брату
Прощаю все ему. Но что онъ пѣлъ?
Не вѣрю я... Нѣтъ! я ли вѣрить стану
Порыву чувствъ и пылкихъ думъ обману?»

15.

«Что пѣснь? Что пѣснь? Давидъ, я сознаюсь,
Мнѣ въ душу пѣснь вдохнула подозрѣнье.
О комъ онъ пѣлъ?» — «Ты знаешь, Святополкъ,
Извѣстно всѣмъ, куда бѣжалъ Нерядецъ.»
— «Куда бѣжалъ!.. Но быть не можетъ, князь,
Не можетъ быть. Какъ, дѣти Ростислава
Убійцы! Нѣтъ, они въ крови родной
Не обагрятъ руки своей честной.»

16.

— «Я думалъ, что ты знаешь; мнѣ казалось,
Скрываешь ты въ груди своей вражду
Для тишины отчизны.» — «Я? до гроба
Я буду мстить за брата моего,
До гроба мстить и до послѣдней капли
Я выпью кровь убійцы... Бѣдный братъ!
Ты юный палъ душой и станомъ красный,
И не въ бою померкнулъ взоръ твой ясный.

17.

«Но мнѣ твоимъ не вѣрится словамъ.
Скорѣе всѣ, чѣмъ дѣти Ростислава...
Не вѣрю!» — «Я напомню, Святополкъ:
Ты требовалъ отъ нихъ главы Нерядца?»
— «Я требовалъ и былъ бы выданъ онъ,
Но онъ бѣжалъ.» — «Живетъ онъ въ Теребовлѣ.»
— «Какъ? Василько... убійцу... въ свой удѣлъ...
«Не принялъ, нѣтъ! не (но?) онъ его призрѣлъ...»

18.

«Холодный потъ съ раздумья проступаетъ...
Скажи мнѣ, князь: ужели Василько?
Пусть Володарь, умершій братъ ихъ Коринъ...
Но тотъ ли, кто и славимъ и любимъ?..»
— «Онъ черни льститъ на вѣчѣ, а дружина
За то его возноситъ до небесъ,
Что съ юныхъ лѣтъ ея послушный кличу,
Водилъ ее успѣшно на добычу.

19.

«Да что народъ! пусть славитъ онъ его;
Изъ гроба намъ не вызвать Ярополка.»
И взорами вцился въ его чело.
Онъ жадно зрѣлъ, какъ дума тяжелѣла.

Въ помостъ глаза уставя, Святополкъ
Безмолвенъ былъ. Онъ шевелилъ устами;
Отъ смутныхъ думъ горѣла голова,
Но на устахъ не строились слова.

20.

По гридницѣ поспѣшными шагами
Прошолъ. — «Меня сомнѣнье тяготитъ;
Гдѣ нищій?» — «Князь, ты нищему довѣришь?
Ему ли знать? Онъ темный человѣкъ.»
— «А ты, Давидъ, какъ знаешь?» — «Я? Отъ многихъ...
Отъ Туряка... Но вспомни, Святополкъ,
Мы поклялись предъ всѣми, на налоѣ,
Блюсти любовь и Русь хранить въ покоѣ.

21.

«И первый ты! Забудь же месть свою.»
— «Мнѣ братъ, мнѣ кровь его дороже мира.
Не буду я покоенъ... не могу
Покойнымъ быть, пока я не открою
Всей тайны. Не томи: скажи мнѣ все...
Нѣтъ! ты не любишь брата... Изъ могилы
Онъ молитъ! къ намъ возноситъ скорбный гласъ:
На брань, Давидъ, на месть зоветъ онъ насъ.

22.

«Онъ предо мной стоитъ окровавленный...
Ты поблѣднѣлъ, Давидъ? Ты самъ въ лицѣ
Отъ жалости и гнѣва измѣнился?
Клянись же, дай обѣтъ, что будешь мстить,
Какъ другъ, какъ братъ!» — «Я помню Ярополка,
А на душу грѣха я не приму;
Не навлеку на имя укоризны,
Что первый я нарушилъ миръ отчизны.»

23.

— «Такъ вотъ, Давидъ, твоя любовь ко мнѣ?»
— «Повѣрь мнѣ, что я преданъ всей душою
Тебѣ, мой братъ старѣйшій; но, какъ другу,
Не растравлю твоей сердечной язвы.
И такъ сказалъ я лишнее.» — «Постой!
Иди! ты сталъ душою слабъ.» — И долго
Ходилъ одинъ по гридницѣ пустой,
То быстрою, то медленной стопой.

24.

Луна взошла на вышину лазури
И сыплетъ свѣтъ съ безоблачныхъ небесъ
И на вѣнцы Софіи величавой,
И на святой Печерскій монастырь;

Главы церквей, какъ звѣзды, отдѣлились,
Свѣтлѣя, отъ серебряныхъ лучей,
И Спасу въ честь ихъ сонмъ блистаетъ звѣздный,
Какъ и небесъ сверкающія бездны.

25.

Престольный градъ по шумномъ торжествѣ
Покоится, какъ море послѣ бури.
Задумчивъ Днѣпръ: едва струится онъ;
Въ его волнахъ не плещутся русалки
И пѣсней заунывныхъ не поютъ;
Ихъ древніе пріюты опустѣли
И крестъ святой изъ ясно-синихъ водъ
Изгналъ на вѣкъ подводный хороводъ.

26.

Уже луна сребристѣе мерцаетъ
И сумраки спустилися на Днѣпръ,
Прозрачное накинувъ покрывало
На горы и на сонный Кіевъ-градъ.
Недвижимъ онъ, и только, гдѣ Владиміръ
Крещенья свѣтъ излилъ на свой народъ,
Во мракѣ чолнъ, мелькая подъ горою,
Колышется, лелѣемый волною.

27.

Но кто стоитъ, опершись на весло?
Съ челна глядитъ онъ на высокій берегъ;
Какъ тѣнь, другой спустился. Въ зыбкій чолнъ
Едва ступилъ: «Узналъ ли ты, гдѣ нищій?»
— «Я съ пиршества княжова шелъ за нимъ,
Надъ нимъ дышалъ, но во вратахъ внезапно
Отброшенный стремленіемъ толпы,
Уже съ трудомъ слѣдилъ его стопы.

28.

«Онъ скрылся. Я искалъ еще глазами,
Куда онъ путь направилъ; но въ толпѣ
Пестрѣющей и странниковъ и нищихъ
Не распозналъ я рубища его.
Разсыпались полунагіе гости,
Остался я одинъ. Но будь хранимъ
Онъ вѣдьмами, въ вертепахъ подъ землею,
Я все его пристанище открою.»

29.

Сказалъ и чолнъ онъ оттолкнулъ весломъ;
Ударилъ имъ по влагѣ; отскочило
Оно отъ волнъ и съ плескомъ пало вновь.
Чолнъ вышелъ изъ подъ тѣни горъ прибрежныхъ;

Блеснувъ, струя змѣею развилась,
Дошла до полъ Днѣпра и по теченью
Чуть зыблемыхъ, объятыхъ нѣгой волнъ
Она, свѣтясь, слѣдила легкій челнъ.

30.

Безъ веселъ онъ спускался. Днѣпръ покойно
Качалъ его, какъ старецъ колыбель.
«Ты слышишь ли, Турякъ? звучнѣетъ пѣнье,
Ударь весломъ...» Протяжно голоса
Исходятъ изъ обители Печерской;
Въ ней лучъ блеснулъ; незримая рука
По храму цѣпь златую протянула,
И полонъ Днѣпръ молитвеннаго гула.

31.

«Мнѣ тяжело, Турякъ!» — «Вернемся, князь.»
— «Нѣтъ, все равно: я Спасу неугоденъ,
Въ обители еще я утромъ былъ,
Давалъ обѣтъ Ему придѣлъ воздвигнуть;
Что жь отвѣчалъ мнѣ схимникъ Іоаннъ:
Лежитъ ли грѣхъ на сердцѣ — покаянье,
А не сребромъ обложенный придѣлъ
Омоетъ духъ твой отъ грѣховныхъ дѣлъ.»

32.

— «Все мало для монаховъ! Имъ хотѣлось
Въ твое княжое сердце заглянуть.»
— «Отъ схимника я къ вѣщуну поѣхалъ,
Но отложилъ до ночи. Чернецы
Все видятъ, знаютъ: разгласятъ въ народѣ,
Что жертвы жгу богамъ моихъ отцовъ...
Какъ будто и грѣшно предъ небесами
Сегодня знать, что̀ завтра будетъ съ нами.

33.

«Но будетъ ли онъ завтра?..» — «Ѣдетъ онъ.»
— «Но ѣдетъ ли на Кіевъ?» — «Отъ Кульмея,
Что мнѣ кудесникъ передалъ вчера *),
Тебѣ пересказалъ я, князь, и время
Прибыть ему.» — «Презрительный пѣвецъ
Едва изъ рукъ добычи не исторгнулъ!
Какъ онъ металъ безстыдно на меня
Свой мрачный взглядъ, исполненный огня.

---

*) Варіантъ: «На завтра жду... сегодня ждалъ его!..
Но ѣдетъ ли на Кіевъ?»—Что кудесникъ
Мнѣ отъ Кульмея передалъ вчера, и пр.

34.

«Мнѣ чудилось, что весь народъ, всѣ очи
Въ меня впились!» — «Тутъ былъ я, государь,
Я замѣчалъ за всѣми: на Бояна
Глядѣлъ весь міръ и взоровъ не сводилъ.
Я знаю самъ, мнѣ только показалось;
Но если бъ я не гласно могъ пѣвца...
Чтобъ проводить его на новоселье...
Что думать тутъ? Лишь слово, князь, да зѣлье...»

35.

— «Молчи, Турякъ, ты извергъ!» — «Государь!
Но мнѣ хоть пой потѣшный соловей
Безъ умолку.» — «Но что бы онъ ни пѣлъ *),
Онъ поводъ далъ къ тому, чего я жаждалъ,
Турякъ. Теперь направленъ Святополкъ:
Онъ позоветъ тебя, будь скупъ на слово.
Я собственной предалъ его борьбѣ,
И пламя онъ раздуетъ самъ въ себѣ».

---

*) Варіантъ: Я за тебя готовъ въ огонь и въ воду,
И въ самый адъ! — «Но что бы онъ ни
пѣлъ, и пр.

36.

— «Попалъ ли звѣрь, пусть онъ въ тенетахъ
бьется,
Лишь только бы тенетъ не разорвалъ.» —
«Въ нуждѣ, шепни два слова о Кульмеѣ...
Но если нищій разъ еще придетъ?»
— «Два ловчіе вблизи двора княжова,
Твои бояре, Лазарь и Василь,
Ждутъ недруга и до исхода ночи
Блюдутъ вокругъ недремлющіе очи.»

37.

— «Но если кто увидитъ слугъ моихъ?
Молва — огонь: чуть вспыхнетъ, все обхватитъ...
Какъ медлитъ онъ! Дождусь ли? Червь заботъ
Меня томитъ, какъ огненная жажда;
Но какъ свершимъ, то отдохнемъ душой.
Наказанный — предъ чернію виновенъ!..
И въ пропасти померкнетъ безъ слѣда
Съ высотъ небесъ упавшая звѣзда.

38.

«Что, другъ, успѣхъ?» — «Все въ мірѣ, князь, гаданья,
Хоть иноки считаютъ ихъ за грѣхъ,

Но жрецъ теперь намъ тайну разгадаетъ.» —
— «Мы Выдубичъ минули». Вправо челнъ
Направилъ онъ. «Но что̀ за визгъ и вопли?»
Спросилъ Давидъ. — «Не даромъ, государь,
Ведется слухъ давно про эту гору,
Что не тиха въ полуночную пору.»

39.

Еще взмахнулъ онъ веслами. «Турякъ,
Закинь багоръ!» И челнъ причаливъ, оба
Взбираются по крутизнѣ горы,
И слѣва обогнувъ ея вершину,
Въ ущельѣ, по уступу, гдѣ земля
Обрушилась и поросла кустами,
Сокрылись. Тамъ за камнемъ тѣсный ходъ
Въ пещеры велъ подъ лоно самыхъ водъ.

40.

Подземный путь во всѣ концы вѣтвится;
Сто отзывовъ въ отвѣтъ на каждый звукъ
Грохочетъ въ немъ: то своды захохочутъ,
То всплещутъ, то завоютъ. Вѣдьма путь
Перебѣжала, громко засвистала,
За свистомъ свистъ раздался ей во слѣдъ.
«Гдѣ путь? земля колеблется подъ нами:
И я во тьмѣ теряюся очами.

41.

«Куда ступить?»—«Все ниже, князь.»—Блеснулъ
Имъ въ очи яркій свѣточъ, и не дѣва
Явилась, не земная красота,
Но съ небомъ адъ слился въ обольщенье,
Въ грозу очей и прелесть гнѣвныхъ устъ.
Въ рукѣ былъ мечъ, въ другой пылавшій свѣточъ,
И взоръ блуждалъ, какъ слово на устахъ,
Безумный взоръ въ плѣнительныхъ очахъ.

42.

Блѣдна — и грудь подъ русыми волнами,
Какъ легкій пламень въ трепетной рукѣ,
То падала то воздымалась снова;
Дыханье прерывалось, и уста,
Когда искали звуковъ, то привычной
Улыбкою, казалось, расцвѣтутъ.
«Пришельцы!» и промчалось слово гнѣва,
Какъ первый звукъ волшебнаго напѣва.

43.

«Отвѣтъ! отвѣтъ! потушенъ ли огонь?»
— «Неугасимъ!» отвѣтствовалъ боярин ъ,
И повторилъ Давидъ: неугасимъ!
«Надъ симъ мечомъ завѣтнымъ нашихъ предковъ

Клянитесь вѣкъ блюсти святыню тайнъ.»
«Клянемся!» — «Если тайну разрѣшите,
Испепелитъ васъ пламя по частямъ
И вихри васъ развѣютъ по полямъ.»

44.

«Клянемся!» — Своды клятвы повторили;
Имъ усмѣхнулась чудная жена
И, будто не ступая, побѣжала;
За нею пламя, какъ свѣтила хвостъ,
Летѣло внизъ, потухло въ легкомъ бѣгѣ,
И путниковъ объемлетъ прежній мракъ.
Надъ ихъ челомъ пронесся звонкій хохотъ,
И вновь кругомъ звучитъ стогульный грохотъ.

45.

И вдоль пути глухіе голоса
Изъ стѣнъ пещерныхъ имъ шептали въ уши:
«Храните тайну; если врагъ про насъ
Узнаетъ, мы и сестры обернемся
Въ станицу птицъ ночныхъ и по куску
Когтями растерзаемъ ваше тѣло,
И воскресимъ и растерзаемъ вновь
И высосемъ предательскую кровь.

46.

«Клянитесь же и въ третій разъ!»—«Клянемся!»
Внезапно дверь отверзлась, понеслись
Стремительно на встрѣчу тучи дыма;
Сквозь облако вертепъ, какъ смутный сонъ,
Открылся: семь кумировъ, огнь предъ ними;
Кругомъ боговъ кружилась цѣпь старухъ,
И вкругъ нее, съ веселостью безумной,
Цѣпь юныхъ дѣвъ мелькала въ плескѣ шумной.

47.

Незримый хоръ при заклинаньяхъ пѣлъ:
«Перунъ ли въ тучахъ на крылѣхъ Стрибога
Промчится, вслѣдъ по радугѣ сойдутъ
Велесъ, богъ стадъ, Купала — плодоносецъ,
Колядо съ миромъ, Ладо — богъ любви,
А гдѣ любовь, тамъ благъ податель — Даж-
богъ».
Но смолкнулъ хоръ. При входѣ двухъ гостей
Распались звенья пляшущихъ цѣпей.

Жрецъ.

Добрые гости!

Хоръ.

Добрые гости!
Вѣдьмы, русалки! снова двойною
Цѣпью скачите. Вѣчно мѣняясь —
Юность и старость, лѣто — зима
Пляшутъ, летятъ двойной вереницей
Вкругъ неизмѣнныхъ, вѣчныхъ боговъ.
Снова летите птицей за птицей,
Шумно кружась двойной вереницей.

Жрецъ перуновъ.

Кружитесь вкругъ вѣчно-живаго костра
И пойте вѣчное проклятье!
Низринутъ небесный въ пучину Днѣпра —
Проклятье, вѣчное проклятье!

Всѣ.

Проклятье! вѣчное проклятье!

Незримый хоръ.

Горятъ, гремятъ небесныя проклятья.
Божественный въ сѣдую бездну палъ,
Но вѣрный Днѣпръ пріялъ его въ объятья
И влажными устами лобызалъ

Главу, стопы его святыя;
И передъ тѣмъ, кто вержетъ громъ,
Покорно волны вѣковыя
Поникли трепетнымъ челомъ.

Перуновъ жрецъ.

Костеръ, разметанный врагами,
Пылаетъ снова передъ нимъ!
Пусть тушатъ хладными устами *) --
Священный огнь неугасимъ!

Всѣ.

Священный огнь неугасимъ! **)

---

*) Послѣ этого зачеркнуто: «Пусть гасятъ крови, слезъ рѣками».

**) Послѣ этого зачеркнуто:

Верховный жрецъ.

Перунъ! твой огнь, сокрытый подъ землею,
Изъ нѣдръ ея — пылающей рѣкою
На градъ преступный потечотъ,
И пепелъ стѣнъ, и прахъ невѣрныхъ братій,
Постигнутыхъ стрѣлой твоихъ проклятій,
Какъ жертву къ небу вознесётъ.

Хоръ жрецовъ.

Грудныхъ младенцевъ, непричастныхъ
Грѣху отцовъ,
Несите, вѣдьмы и русалки,
Предъ ликъ боговъ!
Мы на кострѣ сожжемъ начатки
Отъ ихъ волосъ,
Чтобъ сынъ славянъ богамъ славянскимъ
Во славу росъ *).

Три вѣдьмы.

Мы змѣею зашипѣли
И какъ вихорь понеслись;
Съ визгомъ въ теремы влетѣли
И дѣтей изъ колыбели
Мы схватили и взвились.

Всѣ вѣдьмы.

Цѣпки у вѣдьмы медвѣжія лапы,
Лёгокъ нашъ конь, помело,
Свищемъ и скачемъ, пока на востокѣ
Не разсвѣло.

*) Послѣ этого зачеркнуто:
Чтобъ славянинъ въ любви и вѣрѣ
Душой возросъ!

Русалки.

Неслышной стопою
Касаясь земли,
Мы руку съ рукою
Какъ вѣтви сплели.
Мы пѣснь напѣвали
И въ лунныхъ лучахъ
Какъ тѣни мелькали
На Лысыхъ Горахъ.
Мы дѣвъ заманили
На пѣсенный гласъ,
Вкругъ липы водили,
И съ каждой изъ насъ,
Смѣясь, цаловались
Онѣ сквозь вѣнокъ
И съ нами сплетались
Въ русальный кружокъ.
Вотъ сходимъ. Какъ птицы,
Поемъ и летимъ,
Со смѣхомъ въ свѣтлицы
Порхнемъ къ молодымъ,
То шопотомъ сладко
Надъ люлькой поемъ,
Поемъ и украдкой
Дитя унесемъ.

Верховный жрецъ.

Святыхъ постригъ совершены обряды
И семь славянъ богамъ посвящены.
Да будутъ ихъ младенческіе сны
Исполнены божественной отрады!
Пусть Ладо къ нимъ въ видѣніи сойдетъ,
Пусть имъ внушитъ къ богамъ благоговѣнье,
И сладкое младенчества видѣнье
Глубоко въ душу западетъ!

Хоръ жрецовъ.

И пусть съ колыбели сердце ихъ дышетъ
Любовью къ богамъ славянскихъ племенъ;
Пусть каждый младенецъ имя услышитъ,
Святѣйшее всѣхъ небесныхъ именъ!

Верховный жрецъ.

Есть небеса надъ небесами
Превыше молній и громовъ;
Есть звѣздный теремъ надъ звѣздами,
И ни единый изъ боговъ
Не преступалъ его порога —
Судьба — при имени святомъ
Во прахъ поникните челомъ —
Сама Судьба есть мысль Бѣлбога!

Всѣ жрецы.

Обрядъ свершонъ.

Верховный жрецъ.

Теперь распадитесь
Всѣ звѣнья цѣпей;
Два гостя ступите
Предъ жертвенный огнь
Вопросъ вашъ я знаю,
И дамъ я отвѣтъ...
Русалки и вѣдьмы!
По дебрямъ, горамъ
Вы скачете ночью
Вкругъ кіевскихъ стѣнъ.
Кто прибылъ? Кто прибылъ?

Русалки.

На Рудицѣ станъ!

Вѣдьмы.

На Рудицѣ станъ!
И чуждому Богу
Въ шелкòвомъ шатрѣ
Тамъ молится витязь.

Верховный жрецъ.

Тотъ Богъ не спасетъ!
Запекшейся крови
Возьмите отъ жертвъ;
Скачите вкругъ стана,
Промчитесь грозой;
Отъ крови, согрѣтой
Дыханіемъ устъ,
Вы бросьте три капли
На витязя станъ.
Тамъ врагъ, тамъ гонитель
Славянскихъ боговъ *).
Русалки и вѣдьмы,
По доламъ, по горамъ
Разсѣйтесь, несите
Погибель врагамъ!

48.

Разсѣялись. Одинъ верховный жрецъ
Остался. «Знать грядущее ли жаждешь —
Иди за мной» Давиду онъ сказалъ,
И путниковъ сквозь рядъ боговъ проводитъ.

*) Послѣ зачеркнуто:

Спѣшите, скачите,
Бѣду насвищите
На витязя станъ.

Въ священный сумракъ тихо сходитъ онъ.
Чуть свѣтитъ лучъ отъ тлѣющаго жара;
Въ крови стоитъ предъ ними Чернобогъ,
И черепы повержены у ногъ.

49.

Верховный жрецъ на угли кинулъ жупелъ
И въ синій пламень черепъ положилъ.
Онъ шопотомъ невнятнымъ заклинанья
Надъ нимъ читалъ. Вотъ черепъ почернѣлъ,
И наконецъ опепелились кости:
Вотъ жрецъ на нихъ перстомъ слѣдитъ черты:
«Внимай, Давидъ, благоговѣйнымъ слухомъ:
Успѣхъ тому, кто бодръ и силенъ духомъ!

50.

«Кто чашу яда смѣло поднесетъ
И дастъ врагу испить ее до капли!
Тебѣ есть путь, но нѣтъ полу-пути.
Отъ робкаго и боги отлетаютъ.»
— «На все готовъ!» отвѣтствовалъ Давидъ
Въ смятеньи: «я ручаюсь за начало;
Но что конецъ... какъ низкіе рабы,
Мы при концѣ зависимъ отъ Судьбы.»

51.

«Въ свидѣтели пріемлю Чернобога,
Давидъ! Черты по черепу легли,
Во знаменье желаннаго успѣха;
Но вспомни: не пришлецъ изъ чуждыхъ странъ,
Но богъ родной успѣхъ тебѣ даруетъ,
Но богъ славянъ, его жъ отвергла Русь,
Затѣмъ, чтобъ намъ, питомцамъ бранной славы,
Безсильный грекъ, нашъ данникъ, далъ уставы!

52.

«Признай, люби отеческихъ боговъ!
Клянись!» Давидъ невольно поднялъ руку;
Но, какъ свинецъ, отяжелѣла длань
И на плечо боярина упала.
Турякъ взглянулъ съ усмѣшкой на него.
«Ужель тебя христьянскій рай чаруетъ?»
Воскликнулъ жрецъ. «Но тамъ, средь чернецовъ,
Ты будешь сиръ и чуждъ своихъ отцовъ.

53.

«Законъ христьянъ не доблесть, а смиренье;
Уже народъ женоподобенъ сталъ,
И прежде всѣхъ самъ древній князь Владиміръ.
Вотъ первый бичъ; еще иной грозитъ!

Съ зари восходятъ тучи... Обратитесь!
Уже куетъ оковы гнѣвный богъ
И превратитъ всю Русь съ ея князьями
Въ развалины, сцѣпленныя бичами!»

Пѣснь четвертая.

1.

Уже давно палаты Святополка
Могильная объяла тишина
И царствуетъ со сумраками ночи.
Лѣниво сонъ на стольный Кіевъ-градъ
Склонилъ свои распущенныя крылья;
Но Святополкъ не дремлетъ: онъ горитъ,
Онъ отъ себя съ усильемъ гонитъ думу
И въ тишинѣ еще внимаетъ шуму.

2.

«Какъ онъ любимъ, какъ онъ любимъ, Давидъ!
Еще мнѣ вѣче въ слухѣ раздается...»
(Такъ молвилъ онъ. Давидъ стоялъ предъ нимъ
И наблюдалъ души его порывы).
«Я самъ ушолъ: все вѣче разошлось
По Кіеву; но доходили клики
Еще ко мнѣ, среди моихъ палатъ,
Гремя какъ въ тучахъ грома перекатъ.

3.

«Несносный гулъ! все слышу тѣ же клики!..
Зачѣмъ давно ты не пришелъ ко мнѣ,
Въ тотъ самый мигъ, какъ распустилъ я вѣче?..
Я ждалъ тебя, твоихъ совѣтовъ ждалъ».
— «Но, Святополкъ, съ дружиною до ночи
Ты въ гридницѣ гремѣлъ противъ гражданъ,
И въ шумѣ словъ, въ пылу негодованья,
Не могъ вести со мною совѣщанья.

4.

«Я лишній былъ. Теперь уже пора
Не словъ, а дѣла.» — «Мнѣ одно осталось,
Давидъ, пустить на волю!.. Весь народъ
Заступится за князя. Изъ темницы
Онъ мнѣ на зло исторгнетъ Василька...
Какъ думаешь?.. велю я снять оковы!»
— «Но прежде, чѣмъ освободишь его,
Сойдешь ли, князь, съ престола своего?

5.

«Совѣтую сойти тебѣ съ престола:
Уже онъ ковъ замыслилъ на тебя,
Но не имѣлъ къ тому еще предлога;
Теперь на все рѣшится: есть предлогъ;

И на престолъ онъ ступитъ изъ поруба!
Тогда иной услышишь гулъ. Народъ
Измѣной не почтетъ своей измѣны,
И кликами поколебаетъ стѣны.

6.

«Вся чернь воскликнетъ: Мы спасли его,
Мы совлекли оковы: онъ невиненъ,
Онъ праведникъ, нашъ свѣтлый Василько!
И станетъ гнать тебя, какъ вѣроломца;
Себя почтетъ преступный твой народъ
Твоимъ судьей, поставленнымъ отъ Бога —
И будешь изъ земли конца въ конецъ
Скитаться, какъ несчастный твой отецъ.»

7.

— «Не допущу себя до посрамленья,
Давидъ! Но я, хотя и убѣжденъ
Въ душѣ, какъ ты, что Василько преступенъ;
Но... если онъ невиненъ?..» — «Поздно, князь!
Зачѣмъ, зачѣмъ ты прежде не размыслилъ,
Пока его еще не оскорблялъ?
Въ порубѣ онъ, оковами тягчимый,
Уже горитъ враждой непримиримой.

8

«Теперь все поздно, князь! Невиненъ онъ?
То будетъ месть грознѣе. Онъ невиненъ?..
Пусть выйдетъ изъ темницы: гласъ его
Во всѣ концы по Руси пронесется.
Что̀ истины сильнѣе? Созоветъ
Поборниковъ своей правдивой мести,
Придетъ вся Русь по долгу, изъ любви
И утолитъ себя въ твоей крови.

9.

«Кого мы разъ въ сей жизни оскорбили,
Того должны стереть съ лица земли.
Тебѣ нельзя признать его невиннымъ.
Но, впрочемъ, я, какъ ты, увѣренъ, князь,
Что онъ вполнѣ преступенъ» — «Я не знаю,
Давидъ, на что̀ рѣшиться? Не могу
Убить его; держать его — не смѣю;
И въ мысляхъ я, теряясь, цѣпенѣю.

10.

«Давидъ! уже мятежный вѣча кликъ
Напомнилъ мнѣ, что было за Всеслава...»
— «Желаешь, князь? Я увезу его:
На все готовъ для брата и для друга!»

— «Вези его.. онъ какъ игла въ очахъ..
Вези скорѣе, дѣлай съ нимъ, что̀ знаешь...
Вонъ, вонъ, отсюда! Онъ несносенъ мнѣ;
Я убѣжденъ во всей его винѣ».

11.

Грядами тучъ заволокло все небо;
Въ безмѣрномъ мракѣ свѣтятъ два огня *):
Два свѣточа горятъ передъ порубомъ.
Темничные затворы въ тишинѣ
Внезапно загремѣли. Князь очнулся.
По сладостной молитвѣ онъ дремалъ.
Мстиславнѣ другу, въ тихомъ сновидѣньѣ
Его уста шептали утѣшенье.

12.

Вошелъ Турякъ и четверо за нимъ,
И освѣтилъ темницу яркій свѣточъ;
«Иди за нами, князь; никто какъ Богъ!
Надѣйся, князь, на кротость Государя».
— «Мой Спасъ — моя надежда. Но меня
Куда теперь ведете?..» — «Ты узнаешь;
Судьба твоя къ рѣшенію близка».
И окруживъ, выводятъ Василька.

---

*) Варіантъ: Въ беззвѣздномъ мракѣ свѣтятъ два огня.

13.

На немъ гремятъ, сшибаяся, оковы;
Съ трудомъ стопы передвигаетъ онъ.
Вотъ вышелъ князь; медлительнымъ дыханьемъ
Въ себя вдыхаетъ воздухъ; къ небесамъ
Свой вольный взоръ съ улыбкою возводитъ,
И съ именемъ Заступницы святой
Гремящею перекрестясь рукою,
На грудь свою склонился онъ главою.

14.

Уже по стогнамъ кіевскимъ стучать
Тяжелыя колеса. Домъ за домомъ
Минуется; но ни единый взоръ
Во тьмѣ ночной и въ тишинѣ безлюдной
Изъ оконъ не стремится къ Василько,
Не взглянетъ на него *) изъ состраданья.
Какъ шумныя колеса ни стучатъ,
Но мирный сонъ объемлетъ стольный градъ.

15.

Зачѣмъ ихъ стукъ въ сердцахъ не отозвался,
Защитниковъ собой не пробудилъ?..

---

*) Варіантъ: Не взглянетъ со слезою состраданья.

Проѣхавъ чрезъ Ворота Золотыя,
Князь Василько прощальный бросилъ взоръ
На Кіевъ-градъ, гдѣ братьевъ онъ оставилъ,
Не снявъ грѣха съ преступной ихъ души.
Уже съ горы быстрѣе скачутъ кони,
Помчались какъ разбойникъ отъ погони.

16.

Вкругъ узника, по сторонамъ, Василь
И Лазарь, слуги вѣрные Давида,
И Дмитръ, его конюшій, и Сновидъ,
А впереди два Торчина сидѣли.
«Куда меня везете?» — «Въ Теребовль»
Сказалъ Василь, и всѣ захохотали.
Сошолся взглядъ со взглядомъ; изо всѣхъ
Исходитъ вновь невольный дикій смѣхъ.

17.

Князь Василько, взглянувъ на нихъ съ участьемъ,
Отъ глубины души своей вздохнулъ.
Но вотъ за нимъ раздался конскій топотъ;
Летитъ какъ вихорь всадникъ молодой:
«Мой князь, отецъ мой крёстный! Дайте, дайте
Мнѣ сѣсть къ нему!» воскликнулъ Михаилъ.
Конь мчится весь на воздухѣ; но даромъ
На скачущихъ онъ дышетъ теплымъ паромъ.

18.

«Стой, стой!» еще воскликнулъ Михаилъ.
Къ нему Василь мгновенно обернулся
И, палицей ударя, сшибъ съ коня.
Онъ палъ; изъ горла кровь заклокотала.
«О Боже, Боже!» узникъ закричалъ:
«Какъ Іова меня ты искушаешь.»
И къ сыну взоръ летѣлъ сквозь ночи тьму;
Но взоръ, но крикъ не доходилъ къ нему.

19.

Простылъ и слѣдъ за узникомъ державнымъ.
Съ небесъ, затканныхъ темной пеленой,
Луна изъ тучъ уныло проглянула
И озарила блѣдное лицо
Младаго Михаила. Онъ недвижимъ
Лежалъ; въ рукахъ поводья; вѣрный конь
Его чела касался длинной гривой
И землю рылъ ногой нетерпѣливой.

20.

Шелъ нищій по дорогѣ. Онъ едва
Въ ручьяхъ кровавыхъ отрока завидѣлъ,
Бѣжитъ къ нему стремглавъ. Съ испуга конь
Шарахнулся, и Михаилъ очнулся

«Гдѣ Василько?.. Куда везутъ его?..
Скажи мнѣ, добрый человѣкъ!.. Не знаешь?..
Они меня не взяли. Нѣтъ! Злодѣй
Меня ударилъ палицей своей.»

21.

— «Ты отрокъ Василькà?» съ участьемъ нищій
Спросилъ его и побѣжалъ къ ручью.
Чело страдальца, грудь его больную
Онъ освѣжилъ студеною волной.
— «Что̀? лучше ли? Тебѣ рукою дряхлой
Я помогу держаться на конѣ.»
Вотъ отрокъ сѣлъ, и нищій осторожно
Повелъ коня къ дубровѣ придорожной.

22.

Въ бору огонь изъ хижины мерцалъ.
На стукъ выходитъ съ дочерью старушка
И съ нищимъ обѣ юношу съ коня
Снимаютъ, на соломенное ложе
Внеся его, спускаютъ тихо съ рукъ;
И дѣвушка, какъ ангелъ надъ могилой,
Съ печалію склонилася надъ нимъ
И грѣетъ грудь дыханіемъ своимъ.

23.

— «Людей нашли мы добрыхъ» молвилъ нищій:
«Теперь, прости! Я шолъ, какъ ты, во слѣдъ
За Василькомъ. Спѣшу! Про все узнаю,
И въ Теребовль на крыльяхъ полечу.»
— «Возьми коня» сказалъ съ усильемъ отрокъ
И впалъ въ забвенье: «Конь, мой конь лети...
Какъ шибко скачутъ!.. Стой!.. Я, князь, съ тобою!
Я буду цѣпь поддерживать рукою...»

24.

Уже подъ нищимъ скачетъ борзый конь
По той дорогѣ, гдѣ давно со стражей
Проѣхалъ свѣтлый узникъ. Василька
Уже въ то время въ Бѣлгородъ примчали.
Во тмѣ ночной, въ глубокой тишинѣ,
Его ввели въ истопку; разложили
Предъ нимъ коверъ; и Торчинъ-берендѣй
Выноситъ ножъ изъ-за полы своей.

25.

Онъ точитъ ножъ, бросая взглядъ на князя.
Тогда заря зардѣлась въ небесахъ
И на цѣпяхъ его засеребрилась.
Онъ, разгадавъ, сквозь сумракъ тяжкихъ думъ,

Свой горькій жребій, всталъ, взглянулъ съ любовью
На ясную предшественницу дня.
Во всей красѣ, въ одеждѣ разноцвѣтной,
Лила она по небу свѣтъ привѣтный.

26.

Идетъ во всемъ величіи женихъ
За свѣтлой, за краснѣющей невѣстой:
Пылаетъ солнце, неба исполинъ,
Живетъ весь міръ, и пламенное око
Встрѣчаетъ взоръ прощальный Василька.
Какъ радостенъ восходъ, по долгой ночи!
И узникъ въ память, съ жадностью очей,
Врѣзаетъ міръ блестящій отъ лучей.

27.

«Какъ Спасъ, ты льешь и свѣтъ и жизнь на землю!»
Воскликнувъ громко, душу всю излилъ
Онъ въ утренней и пламенной молитвѣ.
Едва окончилъ, Торчинъ, Дмитръ, Сновидъ,
Всѣ бросились на князя; но цѣпями
Онъ ихъ разитъ, и падаютъ во прахъ;
Встаютъ — и вновь повержены: оковы
Враговъ, какъ мечъ, всегда разить готовы.

28.

На крикъ вбѣжали двое. На коверъ
Они его повергнувъ и опутавъ,
На грудь взложили доски: по концамъ
Сновидъ и Дмитръ, Василь и Лазарь сѣли.
Онъ застоналъ, и затрещала грудь;
Послѣдній свѣтлый взоръ ужь закатился *),
Лучи души потухнули въ очахъ,
И замеръ стонъ на трепетныхъ устахъ.

29.

Взялъ Торчинъ ножъ, готовясь къ ослѣпленью;
Ударилъ — но не въ очи: онъ лицо
Страдальца перерѣзалъ. — «Ты неловокъ!»
Сказалъ Василь. Краснѣя, Торчинъ ножъ
Отеръ полою; вотъ его въ зѣницу
Ввернулъ: кровь брызнула изъ-подъ ножа;
Ввернулъ его въ другую и ланиты
Уже волной багровою покрыты.

30.

Всѣ вышли вонъ. Остался Василько
Одинъ. Онъ на коврѣ, какъ трупъ кровавый,

*) Варіантъ: Уже безъ взоровъ закатились очи.

Недвижимъ безъ дыханія лежалъ,
И запеклись — не очи, но отверстья;
Чернѣютъ два кровавыя пятна...
Ты ихъ, Давидъ, не смоешь съ книги жизни!
Нетлѣнныя, они горятъ на ней,
Какъ мука вѣчная душѣ твоей *).

31.

Уже опять мучители страдальца
Сбираются въ дорогу. Дмитръ, Сновидъ
Вошли; изъ глазъ слеза у нихъ пробилась.
Вотъ завернувъ его въ коверъ, несутъ,
Какъ мертваго; взложили; скачутъ кони;
Вотъ Здвиженскъ мостъ подъ ними продрожалъ;
И въ домъ, къ пріему путниковъ готовый,
Уже летятъ по площади торговой.

32.

Священникъ былъ хозяинъ дома. Онъ
Гостей такихъ не ждалъ; нѣтъ! дыбомъ волосъ
Всталъ на сѣдой, маститой головѣ.
Внесли коверъ; обѣдать сѣла стража;

---

*) Было прежде написано: «И адскій огнь зажгутъ въ душѣ твоей», а потомъ еще разъ поправлено: «И пламень мукъ зажгутъ въ душѣ твоей».

Василь совлекъ сорочку съ Василька,
«Смой кровь!» сказавъ, хозяйкѣ бросилъ въ руки;
И старица и внемлетъ и глядитъ;
Но замеръ духъ, и вся какъ листъ дрожитъ,

33.

И вдругъ, спѣша, ее на дворъ выноситъ,
И держитъ недвижимо предъ собой;
Взрыдала. «Нашимъ воплемъ не поможемъ;
Не плачь, старушка!» нищій ей сказалъ:
«Къ чему твой стонъ? Нѣтъ, лучше дай рубашку:
На ней нужна мнѣ кровь...» И, взявъ, исчезъ;
Но старица рыдала; воплей сила
Страдальца изъ забвенья пробудила.

34.

Привставъ, «гдѣ я?» промолвилъ тихо онъ.
— «Ты въ Здвиженскѣ» сказалъ Василь. — «Ахъ, дайте
Воды испить». За каплей каплю пьетъ;
Вздохнулъ, себя ощупалъ. «Гдѣ рубашка?»
Воскликнулъ онъ. «Свлекли ее съ меня?
Ее зачѣмъ вы сняли? Нѣтъ, въ сорочкѣ,
Нѣтъ, я хотѣлъ, одѣтый въ кровь мою,
Предстать передъ Всевышняго судью!»

35.

И ослабѣлъ онъ снова отъ усилья.
Предъ нимъ стоялъ священникъ: «Помертвѣлъ!
Отходитъ онъ! Запасными дарами
Я причащу страдальца.» — «Но зачѣмъ?»
Сказалъ Василь: «онъ осужденъ князьями —
Зачѣмъ спасти ты хочешь духъ его?»
— «Господь суда отъ міра не пріемлетъ!»
Рекъ старецъ; но словамъ никто не внемлетъ.

36.

«Предъ Спасомъ не виновенъ Василько,
И предъ людьми страдалецъ не виновенъ:
Пройдутъ князья, пройдетъ и судъ князей;
Но истина на небѣ и въ потомствѣ,
Какъ солнце просіяетъ.» — «Онъ ума
Отъ старости лишился», молвилъ Лазарь,
И вслѣдъ за нимъ захохоталъ вокругъ
Весь дикій сонмъ князьямъ покорныхъ слугъ.

37.

Страдальца путь оконченъ. Во Владиміръ
Заранѣе пріѣхалъ князь Давидъ
И тѣсный домъ къ пріему приготовилъ:
Онъ Василька за стражею провелъ

И въ душную и мрачную темницу.
Зачѣмъ, Давидъ? По сумракѣ ночей
Уже ему не свѣтится денница,
И цѣлый міръ — какъ мрачная темница!..

II.

ПИСЬМА и ПОСЛАНІЕ.

1.

Письмо А. С. Грибоѣдова къ князю А. И. Одоевскому.

1826 г.

С.-Петербургъ.

Братъ Александръ! Подкрѣпи тебя Богъ! Я сюда прибылъ на самое короткое время. Государь наградилъ меня щедро за мою службу. Бѣдный другъ и братъ! зачѣмъ ты такъ несчастливъ? Теперь ты бы порадовался, если бы видѣлъ меня гораздо въ лучшемъ положеніи, нежели прежде; но я тебя знаю: ты не останешься равнодушенъ, при полученіи этихъ строкъ, и тамъ, вдали, въ горѣ и въ разлукѣ съ ближними.

Осмѣлюсь ли предложить тебѣ утѣшеніе въ нынѣшней судьбѣ твоей! Но есть оно для людей съ умомъ и чувствомъ. И въ страданіи заслуженномъ можно сдѣлаться страдальцемъ почтеннымъ. Есть внутренняя жизнь, нравственная и высокая, независимая отъ внѣшней. Утвердиться размышленіемъ въ правилахъ неизмѣнныхъ, сдѣлаться въ узахъ

и въ заточеніи лучшимъ, нежели въ самой свободѣ: вотъ подвигъ, который тебѣ предлагаю. Но кому я это говорю? Я оставилъ тебя прежде твоей экзальтаціи, въ 1825 году. Она была мгновенна, и ты вѣрно теперь тотъ же мой кроткій, умный и прекрасный Александръ, какимъ былъ въ Стрѣльнѣ и въ Коломнѣ, въ домѣ Погодина. Помнишь, мой другъ, во время наводненія, какъ ты плылъ и тонулъ, чтобы до меня добраться и меня спасти? Кто завлекъ тебя въ эту гибель? Ты былъ хотя моложе, но основательнѣе прочихъ. Не тебѣ бы къ нимъ примѣшаться, а имъ у тебя уму и доброты сердца позаимствовать! Судьба иначе опредѣлила; довольно объ этомъ.

Слышу, что снисхожденіемъ высшаго начальства тебѣ и товарищамъ твоимъ дозволится читать книги. Сейчасъ ѣду покупать тебѣ всякой всячины: реэстръ приложу послѣ.

2.

Письмо князя А. И. Одоевскаго.

(Очевидно къ кн. П. А. Вяземскому).

1829 г.

Вотъ стихи, писанные подъ небомъ гранитнымъ и въ каторжныхъ норахъ. Если вы ихъ не засудите — отдайте въ печать. Можетъ быть, ваши журналисты-Гарпагоны дадутъ хоть по гривенкѣ за стихъ. Автору съ друзьями хотѣлось было выдать альманахъ *«Зарница»* — въ пользу невольно-заключенныхъ. Но одно легкое долетитъ до васъ; не знаю, дотащится ли когда-нибудь подвода съ прозой. Замолвьте слово на Парнассѣ: не подмогутъ ли ваши волшебники блеснуть нашей зарницѣ? Намъ не копить золота; нашъ металлъ — желѣзо и желаніе заработать — Say, Constant, le comte Sismondi, etc.; впрочемъ, воля ваша, только избавьте стихи отъ Галатеи.

Подписано: Z. Z.

12 іюля 1829 г. Чт. О. (т. е. Читинскій острогъ).

3.

Письмо кн. Ивана Одоевскаго къ М. А. Назимову.

1837 г.

Милостивый государь, Михаилъ Александровичъ! Позвольте мнѣ принесть вамъ душевную мою благодарность за дружбу вашу къ моему другу, милому Александру; видя лично всегдашнее дружеское ваше попеченіе объ немъ, не нахожу словъ, какъ изъяснить вамъ чувства вѣчной моей къ вамъ благодарности. Прошу искреннѣйше васъ обязать меня — исполнить ваше, мнѣ данное обѣщаніе, не отказать—хранить къ Александру моему всегдашнее расположеніе ваше и беречь его отъ столь вреднаго вашего воздуха и столь опаснаго огня въ краѣ вашемъ. — Письмо ваше, адресованное на имя матушки вашей, Маріы Степановны, для пересылки вѣрнѣйшей, лично вручено мною владимірскому почтмейстеру вчерась, въ проѣздъ мой черезъ нашъ сей губернскій городъ, который при мнѣ и отправилъ сіе письмо и за вѣрную доставку вамъ отвѣчаетъ. Прошу увѣдо-

мить меня по адресу Владимірской Губерніи, въ городъ Юрьевъ, какъ вы доѣхали, дошелъ ли вашъ тарантасъ, столь много нагруженный? Служите ли вы всѣ трое въ одномъ баталіонѣ? — и сообщите мнѣ адресъ вашъ.—Словомъ, прошу одолжить, сообщить мнѣ все, что до васъ касается, со дня разставанія, столь убійственнаго для меня! — Не забудьте о обѣщаніи вашемъ, прислать мнѣ портретъ милаго и безцѣннаго друга моего, за что по гробъ не премину быть вамъ благодарнымъ. Христа ради, сберегите мнѣ моего Александра, расцалуйте его за меня и твердите ему ежедневно, что, сберегая свое здоровье и свою жизнь, онъ сдѣлаетъ благополучіе послѣднихъ дней жизни моей. Прошу также и мнѣ сдѣлать препорученія ваши, кои всегда исполню съ величайшимъ удовольствіемъ; а я съ вѣчною благодарностью и почтеніемъ имѣю честь быть, милостивый государь, покорнѣйшій вамъ слуга

Иванъ Ѳдоевскій.

1-го окт. 1837.

4.

Письмо кн. А. И. Одоевскаго къ М. А. Назимову.

1839 г.

Мой милый другъ, Михаилъ Александровичъ! Я потерялъ моего отца: ты его зналъ. Я не знаю, какъ я былъ въ состояніи перенести этотъ ударъ — кажется послѣдній; другой, какой бы ни былъ, слишкомъ будетъ слабъ, по сравненію.

Все кончено для меня. Впрочемъ, я очень, очень спокоенъ. Мой добрый, мой нѣжный отецъ попросилъ, передъ кончиной, моего портрета. Ему подали сдѣланный Волковымъ. «Нѣтъ, не тотъ», сказалъ онъ слабымъ голосомъ. Тотъ портретъ, который ты подарилъ ему, онъ попросилъ положить ему на грудь, прижалъ его обѣими руками — и умеръ. Портретъ сошолъ съ нимъ въ могилу. Прощай, мой другъ; обнимаю тебя отъ души и желаю тебѣ болѣе счастія, гораздо болѣе, нежели сколько меня ожидаетъ въ этомъ мірѣ. Ты, впрочемъ (я увѣренъ!), будешь счастливѣе меня.

Нарышкинъ и Лореръ лечатся въ Тамани. И. А. Загорѣцкій и Лихаревъ тебѣ кланяются.

Мы все еще въ Субаши. Еммануилъ Еммануиловичъ Попандополло все разскажетъ тебѣ; а мнѣ не до того. Я спокоенъ; говорить — говорю, какъ и другіе; но, когда я одинъ передъ собою или пишу къ друзьямъ, способнымъ раздѣлить мою горесть, то чувствую, что не принадлежу къ этому міру. Поздравляю тебя съ галунами. Мой сердечный поклонъ тёзкѣ моему, Александру Ивановичу. Обнимаю тебя отъ всего сердца и желаю тебѣ счастья и всѣхъ успѣховъ возможныхъ, равно какъ и Александру Ивановичу. Прощай еще разъ.

Твой Александръ.

Лагерь при Субаши,
21-го іюня 1839 г.

5.

Посланіе А. С. Грибоѣдова къ кн. А. И. Одоевскому.

Я дружбу пѣлъ... Когда струнамъ касался,
Твой геній надъ главой моей парилъ:
Въ стихахъ моихъ, въ душѣ тебя любилъ
И призывалъ, и о тебѣ терзался...
О, мой Творецъ!.. Едва расцвѣтшій вѣкъ
Ужели ты безжалостно пресѣкъ?
Допустишь ли, чтобы его могила
Живаго отъ любви моей сокрыла?

III.

ПОСЛѢСЛОВІЕ.

ПОСЛѢСЛОВІЕ.

До настоящаго изданія, стихотворенія князя А. И. Одоевскаго въ разное время помѣщались въ русскихъ періодическихъ изданіяхъ и частью были напечатаны въ двухъ заграничныхъ сборникахъ: «Библіотека русскихъ авторовъ» (томъ 2-й, Лейпцигъ, 1862 года) и «Записки декабриста» (Лейпцигъ, 1870 года).

Въ «*Современникѣ*» 1838 года (т. X, отд. III, стр. 167) напечатано — единственное при жизни автора, за подписью *А. Д.*, стихотвореніе кн. А. И. Одоевскаго «*Сенъ-Бернаръ*», а въ 1853 г. (т. 42, № 9, стр. 99) пьеса: «*Къ ****».

Въ «*Отечественныхъ Запискахъ*» были помѣщены слѣдующія стихотворенія кн. А. И. Одоевскаго: «*Матери*» (1841 г., № 7, т. XVII, стр. 159, напечатанное въ настоящемъ изданіи, подъ заглавіемъ: «*Къ отлетѣвшей*»), «*Роза и соловей*» (1841 года, т. XVII, стр. 189), «*Отцу*» (1841 г. № 9, т. XVIII, стр. 154—5), «*Сенъ-Бернаръ*» (1844 г., № 1, т. XXXII, стр. 3—4), «*Къ Я—чу*». (1844 г., № 5, т. XXXIV, стр. 147). Всѣ эти пьесы, напечатанныя и въ настоящихъ «Дополненіяхъ» къ

изданію, помѣщены въ названномъ журналѣ за подписью: *А. Од—скій.*

Въ «*Библіографическихъ Запискахъ*» (1861 года, № 5, стр. 132) напечатано посланіе кн. А. И. Одоевскаго: «Княгинѣ М. Н. Волконской» («Былъ край»), помѣщенное здѣсь по списку С. В. Максимова, въ его книгѣ «Сибирь и каторга» (1871 г., т. 3, стр. 202—203).

Въ «*Русской Старинѣ*», въ 1870 году, помѣщены IX стихотвореній кн. А. И. Одоевскаго, по подлинникамъ (автографамъ), доставленнымъ другомъ поэта, М. А. Назимовымъ (1870 г., т. I, стр. 560—567): «*Въ свѣтлое воскресенье 1826 г. въ крѣпости С.-Петербурга*» *) (названное въ настоящемъ изданіи барона А. Е. Розена «Полночь въ Петропавловской крѣпости 1826 года), «*Умирающій художникъ*», «*Моя Пери*» (помѣченное, вопреки настоящему изданію, не 1837, а 1832 годомъ), «*Къ отлетѣвшей*», «*Мой непробудный сонъ*», «*Липа*», «*Рѣка Усьма*», «*Экспромтъ*» и «*Сенъ-Бернаръ*». Кромѣ того, здѣсь же (стр. 567—69) помѣщены: «Письмо отца поэта, князя Ивана Одоевскаго, къ М. А. Назимову» отъ 1-го окт. 1837 г. и «Письмо поэта кн. А. И. Одоевскаго тоже къ М. А. Назимову» отъ

*) Напечатано позднѣе, съ нѣкоторыми неточностями, поправленными, въ томъ же изданіи, бар. А. Е. Розеномъ.

21-го іюня 1830 г. изъ лагеря при Субаши. Здѣсь же, въ примѣчаніи редакціи «*Русской Старины*», вопреки удостовѣренію барона А. Е. Розена и очевидно ошибочно, сказано, что кн. А. И. Одоевскій «родился въ *1804* г.» и «скончался *12-го* августа—*отъ чахотки* — въ упраздненномъ нынѣ укрѣпленіи *Псезуапе*» (бар. А. Е. Розенъ называетъ мѣстомъ смерти поэта фортъ *Лазаревскій*). П. А. Ефремовъ, въ примѣчаніяхъ къ 1-му тому «Сочиненій Лермонтова» (изд. 1873 г., стр. 367), приводитъ другое, основанное на донесеніи начальства, свѣдѣніе, что князь А. И. Одоевскій скончался «*10-го октября*».

Въ «*Русской Старинѣ*» 1870 года (т. II, стр. 526—528), баронъ А. Е. Розенъ, въ статьѣ «А. И. Одоевскій», помѣстилъ, сверхъ поправокъ къ приведеннымъ, по списку М. А. Назимова, стихотвореніямъ поэта, его посланіе «*Пріѣзжему изъ Кургана*». Въ «*Русской Старинѣ*» 1875 г. (т. XIV, стр. 97—98) перепечатано по подлинной рукописи поэта, сохранившейся въ бумагахъ покойнаго генерала С. П. Лепарскаго, стихотвореніе кн. А. И. Одоевскаго «*Отцу*». Это весьма распространенное стихотвореніе было получено редакціей «Русской Старины», между прочимъ, въ спискѣ отъ крестьянина И. Самсонова. По автографу поэта, сохранившемуся у С. П. Лепарскаго, превосходные стихи настоящаго изданія:

«Заговоритъ ли дальній лѣсъ
«Иль золотой зашепчетъ колосъ»

имѣютъ менѣе удачную редакцію:

«И загорится ль (?) дальній лѣсъ
«И золотой зашепчетъ колосъ».

Это заставляетъ думать, что экземпляръ С. П. Лепарскаго могъ быть списанъ не рукой поэта, который, по словамъ барона А. Е. Розена, не любилъ самъ переписывать своихъ произведеній.

Въ «*Русской Старинѣ*» 1882 г., кн. 2-я, помѣщена приводимая здѣсь въ «Дополненіяхъ» — поэма кн. А. И. Одоевскаго «*Василько*», сохраненная въ бумагахъ г. Бѣляева.

Въ сборникѣ «*Для легкаго чтенія*» (1856 года, т. III, стр. 283-я) помѣщено стихотвореніе кн. А. И. Одоевскаго «*Къ отцу*».

Въ «*Русской Бесѣдѣ*» напечатаны стихотворенія кн. А. И. Одоевскаго: въ 1842 г. (т. III, отд. IX, стр. 40) «*Охлажденіе*» (помѣщаемое здѣсь въ «Дополненіяхъ»), въ 1859 г. (т. I, отд. 1, стр. 3) «*На смерть П. П. Ко...*» (т. е. Коновницына), съ помѣтой *1832 г.*; въ томъ же 1859 г. «*Два образа*» (т. II, отд. 1, стр. 2, помѣщаемое здѣсь); въ томъ же году «*Я — чу*» (т. III, стр. 3), и «*Славянскія дѣвы*» (т. IV, отд. 1, стр. 10, помѣщается здѣсь).

Въ сборникѣ «*Вчера и сегодня*» 1845 г. (ч. I, стр. 68-я) помѣщено стихотвореніе кн. А. И. Одоевскаго «*Ты знаешь ихъ*» (напечатано здѣсь).

Въ «*Русскомъ Архивѣ*» 1873 года (т. I, стр. XCIX—CIII) помѣщены стихотворенія кн. А. И. Одоевскаго: «*Чалма. Отрывокъ изъ повѣсти*» (*Посв. А. С. Пушкину*), «*Балъ*» (*Посв. князю П. А. Вяземскому*, съ помѣтой автора: *1825 г.*), «*Свѣтлое воскресенье*» (*съ посвященіемъ В. И. Ланской*, помѣщенное въ настоящемъ изданіи) и «*Послѣдняя надежда*» (*Посв. Е. А. Баратынскому*. съ помѣтой: 1829 г., отнесенное въ настоящемъ изданіи къ 1832 г.). По словамъ редакціи журнала, эти стихотворенія были списаны съ подлинниковъ, нѣкогда присланныхъ авторомъ князю Петру Андреевичу Вяземскому, которымъ эти стихотворенія и сообщены въ «Русскій Архивъ». Въ этомъ же изданіи, въ 1874 г. (т. II, стр. 704-я) помѣщены пьесы: «Экспромтъ» и «На смерть Коновницына».

Въ изданномъ за-границей сборникѣ «*Библіотека русскихъ авторовъ*», томъ II, 1862 г. (Лейпцигъ) напечатаны, за подписью Л. Л. Л. (Н. В. Гербель) слѣдующія, между прочимъ, біографическія данныя о князѣ А. И. Одоевскомъ:

«Князь Александръ Ивановичъ Одоевскій родился, въ 1802 году, въ Москвѣ. Какъ видно изъ его формулярнаго списка, онъ поступилъ, 1-го октября 1821 года, юнкеромъ въ лейбгвардіи кон-

ный полкъ изъ отставныхъ губернскихъ секретарей, 1-го мая 1822 года произведенъ въ эстандарт-юнкера, а 23-го февраля 1823 года — въ корнеты.

«Люди, знавшіе Одоевскаго въ Петербургѣ, до ссылки, вспоминаютъ о немъ, какъ о благородномъ, умномъ, миломъ и весьма красивомъ молодомъ человѣкѣ. «Александръ Одоевскій будетъ въ Москвѣ» говоритъ Грибоѣдовъ въ письмѣ къ Бѣгичеву, отъ 9-го сентября 1825 года: «поручаю его твоему дружескому расположенію, какъ самого себя. Помнишь ли ты меня, каковъ я былъ до отъѣзда въ Персію — таковъ онъ совершенно, плюсъ множество прекрасныхъ качествъ, которыхъ я никогда не имѣлъ». Здѣсь говорится о послѣдней поѣздкѣ Одоевскаго въ Москву, въ ноябрѣ 1825 года, для свиданія съ отцомъ, котораго онъ такъ горячо любилъ и съ которымъ ему уже не было суждено свидѣться болѣе на этомъ свѣтѣ.

«Возвращаясь изъ поѣздки въ Москву» пишетъ Н. И. Гречъ въ своихъ «Запискахъ»: «Одоевскій встрѣтился на одной станціи съ Магницкимъ (попечителемъ казанскаго учебнаго округа), ѣхавшимъ по-неволѣ въ Казань, бесѣдовалъ съ нимъ, и потомъ разсказывалъ мнѣ очень забавно объ этой встрѣчѣ. Я не замѣтилъ въ Одоевскомъ ни малѣйшей наклонности къ тому, что вскорѣ случилось.

«Одоевскій былъ принятъ въ число членовъ сѣвернаго тайнаго общества Рылѣевымъ, въ началѣ 1824 года» продолжаетъ г. Л. Л. Л.

«10-го іюля 1826 года Государь (Николай I-й) утвердилъ приговоръ верховнаго уголовнаго суда, по которому Одоевскій лишался чиновъ, княжескаго достоинства и ссылался въ каторжную работу на 12 лѣтъ; 12-го числа приговоръ этотъ былъ объявленъ подсудимому, а 13-го приведенъ въ исполненіе. Затѣмъ, 22-го августа 1826 года срокъ каторги былъ сокращенъ съ 12 на 8 лѣтъ, а 8-го ноября 1832 года Одоевскій былъ вовсе освобожденъ отъ каторги и сосланъ на поселеніе, гдѣ пробылъ еще пять лѣтъ, т. е. до конца 1837 года. Такимъ образомъ, Одоевскій провелъ въ тундрахъ Сибири одиннадцать лѣтъ—лучшіе годы своей жизни. Большая часть стихотвореній написана имъ въ теченіе этихъ томительныхъ одиннадцати лѣтъ, подтачивавшихъ его мало-по-малу и наконецъ вогнавшихъ въ чахотку. Одоевскій писалъ много, но никогда не печаталъ своихъ стихотвореній. Все намъ извѣстное появилось въ свѣтъ уже послѣ его смерти, за исключеніемъ пьесы «Сенъ-Бернаръ», напечатанной Плетневымъ въ X томѣ «Современника» за 1838 годъ.

«Высочайшимъ приказомъ отъ 7-го ноября 1837 года, Одоевскій былъ переведенъ на Кавказъ рядовымъ въ нижегородскій драгунскій полкъ, стояв-

шій тогда въ урочищѣ Кара-Агачъ, близъ Царскихъ-Колодцевъ, верстахъ въ ста отъ Тифлиса. Одоевскій отправился туда вмѣстѣ съ Назимовымъ, тоже декабристомъ, переведеннымъ на Кавказъ рядовымъ.

«Сочувствіе всѣхъ благородныхъ людей и дружба многихъ, въ томъ числѣ и Лермонтова, встрѣтили Одоевскаго на Кавказѣ и вскорѣ заставили его позабыть свое тяжелое положеніе. Лѣтомъ 1839 года онъ былъ въ Пятигорскѣ.

«Онъ носилъ свою солдатскую шинель съ тѣмъ же спокойствіемъ, съ какимъ выносилъ каторгу и Сибирь, съ той же любовью къ товарищамъ, съ той же преданностію къ истинѣ, съ тѣмъ же равнодушіемъ къ своему страданію. Онъ никогда нетолько не печаталъ, но и не записывалъ своихъ многочисленныхъ стихотвореній, не полагая въ нихъ никакого общаго значенія. Онъ сочинялъ ихъ наизустъ и читалъ наизустъ людямъ близкимъ. Въ голосѣ его была такая искренность и звучность, что его можно было заслушаться.—«Я помню» говоритъ Н. П. Огаревъ въ этихъ свѣдѣніяхъ г. Л. Л. Л.: «въ особенности одну ночь. Кн. А. И. Одоевскій и я, мы пошли въ лѣсъ, по дорожкѣ къ источнику. Деревья по всей дорожкѣ дико сплетаются въ крытую аллею. Мѣсяцъ просвѣчивалъ сквозь темную зелень. Ночь была чудная. Мы сѣли на скамью, и Одоевскій говорилъ свои стихи. Я слушалъ, скло-

ня голову. Это былъ разсказъ о видѣніи какого-то свѣтлаго женскаго образа, который передъ нимъ явился въ прозрачной мглѣ и медленно скрылся...

«Долго слѣдилъ я зоркую поступь...

«Онъ кончилъ, а этотъ стихъ и его голосъ все звучали у меня въ ушахъ. Стихъ остался въ памяти; самый образъ Одоевскаго, съ его звучнымъ голосомъ, въ поздней тишинѣ лѣса, мнѣ теперь кажется тоже какимъ-то видѣніемъ, возникшимъ и исчезнувшимъ въ лунномъ сіяніи кавказской ночи».

У *П. А. Ефремова* находятся *четыре портрета* кн. А. И. Одоевскаго: 1) Раскрашенная фотографія, по современной миніатюрѣ на слоновой кости, съ молодаго кн. А. И. Одоевскаго, до его ссылки; здѣсь поэтъ изображенъ въ конногвардейскомъ мундирѣ; 2) большая литографія московскаго художника Скино (нынѣ умершаго) съ рисунка Н. Бестужева; 3) гравюра на стали съ этой литографіи, приложенная къ заграничному изданію 2-го тома «Библіотеки русскихъ авторовъ» и ошибочно, въ «Словарѣ русскихъ гравированныхъ портретовъ» Д. А. Ровинскаго (Спб. 1872 г. стр. 98), отнесенная къ тайному совѣтнику кн. Одоевскому (умершему въ 1797 г.) и 4) фотографія—копія съ карандашнаго рисунка, сдѣланнаго на Кавказѣ,

незадолго до смерти поэта, однимъ изъ его товарищей.

Въ книгѣ «*Записки декабриста*» (Лейпцигъ, 1870 г., стр. 128, 331 и 365 — 6) баронъ А. Е. Розенъ помѣстилъ (перепечатанныя въ настоящемъ изданіи) стихотворенія кн. А. И. Одоевскаго: «*Куда несетесь вы, крылатыя станицы*», «*Посланіе къ отцу*» и «*Пробило полночь*». Баронъ А. Е. Розенъ, въ предисловіи къ настоящему изданію «Стихотвореній князя А. И. Одоевскаго», не помѣстилъ нѣкоторыхъ любопытныхъ свѣдѣній о поэтѣ, его другѣ, напечатанныхъ имъ въ книгѣ «Записки декабриста». Такъ, на стр. 255-й этой книги, баронъ А. Е. Розенъ говоритъ: «Жена моя послала князю Одоевскому (отцу поэта) портретъ сына его, сидящаго въ нумерѣ, въ полумракѣ, какъ въ пещерѣ». На стр. 260-й: «Вдохновенными поэтами были у насъ (въ тюрьмѣ, въ Сибири) А. И. Одоевскій, П. С. Бобрищевъ-Пушкинъ 2-й и В. П. Ивашевъ. Первый изъ нихъ никогда не писалъ своихъ стиховъ на бумагѣ, а сочинялъ всегда на память и диктовалъ другимъ. Такъ сочинилъ онъ поэму «*Князь Василько Ростиславичъ*» и множество мелкихъ стихотвореній на разные случаи. Лира его всегда была настроена: часто, по заданному вопросу, отвѣчалъ онъ экспромтомъ, премилыми стихами; въ такія минуты игралъ румянецъ на его ланитахъ и глаза сверкали огнемъ».

На стр. 313-й: «Жуковскій отзывался съ похвалою (въ Сибири) о нѣкоторыхъ, извѣстныхъ ему стихотвореніяхъ А. И. Одоевскаго», и на стр. 364-й: «Назначеніемъ въ солдаты и освобожденіемъ своимъ изъ Сибири Одоевскій обязанъ былъ своему посланію: *Къ отцу*, въ стихахъ, которое изъ III-го отдѣленія собственной Е. И. Величества канцеляріи, куда отправляема была вся наша корреспонденція, передано было Императору Николаю и такъ понравилось Ему, по выраженнымъ чувствамъ любви сына къ отцу, а можетъ быть и за поэтическое выраженіе или сожалѣніе о прошломъ, что (Государь) приказалъ тотчасъ освободить Одоевскаго изъ вѣчнаго поселенія въ Сибири. Поэтъ самъ смотрѣлъ на эти стихи, какъ на единственную силу, которою онъ могъ перепилить желѣзную рѣшетку своей темницы и выйти на волю. Часто хаживалъ онъ (въ Тифлисѣ) на могилу друга своего, Грибоѣдова, воспѣлъ его память, *воспѣлъ Грузію* звучными стихами, но попрежнему пренебрегалъ своимъ дарованіемъ. Всегда безпечный, всегда довольный и веселый, какъ истый русскій человѣкъ, онъ легко переносилъ свою участь, былъ самымъ пріятнымъ собесѣдникомъ, заставлялъ много смѣяться другихъ и самъ хохоталъ отъ всего сердца».

Указанныя въ «Запискахъ» бар. А. Е. Розена и нынѣ найденныя въ рукописяхъ, поэма кн. А. П.

Одоевскаго «Василькò» и его пѣсня о Грузіи напечатаны здѣсь въ «Дополненіяхъ».

П. А. Ефремовъ, въ библіографическихъ примѣчаніяхъ ко II-му тому «Сочиненій А. С. Пушкина» (изд. 1880 г., стр. 418) говоритъ, что на извѣстное «*Посланіе въ Сибирь*» Пушкина (оно напечатано во II т. «Сочиненій Пушкина» въ изданіи 1880 года стр. 164 и дважды въ «Русскомъ Архивѣ», въ 1874 г. т. II, стр. 703, въ «Запискахъ И. И. Лорера» — и въ 1876 г. т. III, стр. 220), доставленное отъ автора декабристамъ, при посредствѣ А. Г. Муравьевой, уѣхавшей, въ 1827 г., въ Сибирь: «есть отвѣтъ декабриста А. И. Одоевскаго». Этотъ отвѣтъ, напечатанъ въ «Библіотекѣ русскихъ авторовъ» (т. 2, 1862 г.) и еще въ прошломъ 1881 году въ «Русскомъ Архивѣ» кн. I, стр. 200.

Въ настоящихъ «Дополненіяхъ» къ сборнику бар. А. Е. Розена приведены *двадцать четыре* стихотворенія князя А. И. Одоевскаго, невошедшихъ въ собраніе барона А. Е. Розена. Эти стихотворенія частью уже, какъ объяснено выше, были напечатаны прежде, а частью печатаются здѣсь впервые. А именно:

Изъ «*Русскаго Архива*» 1873 г. (т. I, стр. 98—101) здѣсь напечатаны *три*, сохраненныя княземъ П. А. Вяземскимъ, стихотворенія кн. А. И. Одоевскаго, подъ цифрами I, II и XI.

Авторъ извѣстныхъ сочиненій «*Годъ на Сѣверѣ*» и «*Сибирь и каторга*», *С. В. Максимовъ*, сообщилъ намъ, при составленіи нашихъ примѣчаній къ настоящему изданію, слѣдующія свѣдѣнія:

«А. И. Одоевскій вообще обладалъ способностью говорить экспромты (оттого нерѣдко они были записаны, безъ цезуры, были не отдѣланы). Арт. Зах. Муравьевъ, задавшись мыслію записывать все высказанное и написанное поэтомъ въ заточеніи въ Читѣ и Петровскѣ, собралъ цѣлую тетрадь, гдѣ экспромты считаются десятками. Гдѣ эта тетрадь — неизвѣстно, но она памятна многимъ изъ товарищей. Въ нее старательно и чётко записывалось все, что̀ вылетало изъ устъ поэта. Если долгое время не пополнялась тетрадь новымъ и свѣжимъ матеріаломъ, Арт. Зах. простодушно докучалъ поэту, и разъ со стороны послѣдняго вызвалъ за то характерный экспромтъ въ четырехъ стихахъ, обрисовавшій прошедшее и настоящее А. З. Муравьева. Между прочимъ сочинена была Одоевскимъ пѣсня въ то время, когда, для занятій декабристовъ въ Читѣ, устроена была ручная мельница; эту пѣсню пѣли товарищи, чтобы спорѣлась работа, на голосъ народной пѣсни: «Во саду ли, въ огородѣ». Она впрочемъ и составлена была безъ рифмъ, обычнымъ народнымъ размѣромъ».

Въ этомъ письмѣ къ намъ, С. В. Максимовъ сообщилъ *три*, записанныя имъ въ Сибири, стихотворенія

А. И. Одоевскаго, которыя здѣсь помѣщены подъ цифрами: III, IV и XII (послѣднее было напечатано въ его книгѣ «Сибирь и каторга», изд. 1871 года).

Изъ «Отечественныхъ Записокъ» 1841 г. (т. XVII, стр. 189) здѣсь помѣщено подъ цифрой XIII стихотвореніе кн. А. И. Одоевскаго «Роза и Соловей».

Изъ «Русской Старины» 1882 г. (кн. 2-я и 3-я), здѣсь помѣщено на стр. 128, по счёту XXV-е стихотвореніе—поэма кн. А. И. Одоевскаго «*Василько*». О ней въ примѣчаніи редакціи «Русской Старины» говорится слѣдующее: «Сообщеніемъ этихъ главъ поэмы мы обязаны другу поэта, товарищу его по тюрьмѣ и ссылкѣ въ Сибирь, а затѣмъ и на Кавказъ, Александру Петровичу Бѣляеву, котораго обширныя и интересныя записки напечатаны въ «Русской Старинѣ» въ изданіи 1880 и 1881 гг. Поэма «Василько», по свидѣтельству А. П. Бѣляева, состоитъ изъ четырехъ пѣсень. Первыя двѣ напечатаны, подъ наблюденіемъ Петра Алексан. Ефремова, съ подлинной рукописи кн. А. И. Одоевскаго, которая, по выраженію г. Бѣляева, сохранена имъ, «какъ памятникъ общей казематской жизни съ дорогимъ другомъ и талантливымъ поэтомъ. Третьей пѣсни у А. П. Бѣляева нѣтъ». — Четвертая пѣсня поэмы помѣщена въ 3-й кн. «Рус. Старины» 1882 г.

Въ V-й книжкѣ «Русской Старины» 1882 года декабристъ А. Бѣляевъ пишетъ, отъ 20-го февраля 1882 года, слѣдующее о третьей пѣснѣ поэмы А. И. Одоевскаго: «Василько̀»:

«*Третія* пѣсня, должно быть, выпала какъ-нибудь изъ моихъ бумагъ при переѣздахъ съ квартиры на квартиру, потому что до сихъ поръ не нашелъ ея. Въ ней заговоръ Давида о погубленіи Василько̀, разговоръ съ Святополкомъ, вступленіе Василько̀ съ дружиной въ Кіевъ, посѣщеніе имъ храма, раздача милостыни, наконецъ явленіе его во дворецъ къ Святополку и по клеветѣ Давида, напугавшаго Святополка, его арестованіе и отправленіе за городъ, гдѣ въ какой-то теплушкѣ совершается ослѣпленіе. Мнѣ тѣмъ болѣе досадна эта потеря, что другого списка поэмы «Василько̀» не было и, значитъ, она пропала безвозвратно».

Въ архивѣ рукописей князя П. П. Вяземскаго сохранились *десять* неизданныхъ стихотвореній князя А. И. Одоевскаго. Здѣсь они приводятся въ точной копіи съ подлинниковъ, подъ цифрами: XV, XVI, XVII, XVIII, XIX, XX, XXI, XXII, XXIII и XXIV.

Въ сборникѣ «*Библіотека русскихъ авторовъ*» (т. II, 1862 г. Лейпцигъ) помѣщены шесть стихотвореній кн. А. И. Одоевскаго, приводимыхъ здѣсь подъ цифрами: V, VI, VII, VIII, IX и XIV.

Здѣсь же, наконецъ, мною приведены изъ «*Русской*

Библіотеки» 1875 г. (стр. 254), изъ книги Е. Серчевскаго «А. С. Грибоѣдовъ и его сочиненія» 1858 г., стр. 49, изъ «Русской Старины» 1870 г., т. I, стр. 567—8, и изъ архива рукописей кн. П. П. Вяземскаго *письма:* 1) Грибоѣдова къ поэту, 2) поэта къ князю П. А. Вяземскому, 3) отца князя Одоевскаго о сынѣ къ М. А. Назимову, 4) самого поэта къ тому же лицу и 5) посланіе Грибоѣдова къ кн. А. И. Одоевскому (послѣднее — изъ архива кн. П. П. Вяземскаго).

Баронъ Андрей Евгеніевичъ Розенъ, одинъ изъ немногихъ, оставшихся въ живыхъ, декабристовъ, собравшій стихотворенія князя А. И. Одоевскаго и авторъ извѣстной книги «Записки декабриста», въ 1881 году чуть не погибъ отъ руки злоумышленниковъ-грабителей.

Восьмидесятидвухлѣтній, почтенный старикъ, предоставивъ своимъ дѣтямъ хозяйство имѣнія, самъ, съ престарѣлою женой — сестрой покойнаго товарища Пушкина, Малиновскаго — поселился, по возвращеніи изъ Сибири, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ гор. Изюма, въ уединенной, заново имъ устроенной, на ключахъ, усадьбѣ Викнина (отъ украинскаго слова «викно, т. е. окно»; «окнина» означаетъ мѣсто влажное, отъ ключей, родниковъ). Послѣ

19-го февраля 1861 года, онъ былъ избранъ мировымъ посредникомъ и вводилъ въ Изюмскомъ уѣздѣ крестьянскую реформу. Тогда онъ имѣлъ счастіе представить первыхъ изюмскихъ волостныхъ старшинъ покойной Государынѣ Императрицѣ, при Ея посѣщеніи святогорскаго монастыря, близъ станціи Теплинки. Годъ назадъ, въ августѣ, я посѣтилъ бар. А. Е. Розена, во время появленія въ Изюмскомъ уѣздѣ давно невиданной гостьи — саранчи, и засталъ этого бодраго еще, неутомимаго труженика готовымъ сѣсть на подведеннаго верхового коня, чтобы ѣхать на лугъ, гдѣ, по слухамъ, явилась саранча. Онъ тогда показалъ мнѣ готовое къ печати новое, дополненное изданіе своихъ «Записокъ», а нынѣшнимъ лѣтомъ переписывался со мной, по поводу изготовленнаго имъ къ настоящему изданію собранія стихотвореній его товарища по ссылкѣ, князя Александра Ивановича Одоевскаго.

Шестого октября 1881 года, я получилъ отъ барона А. Е. Розена изъ Изюма, отъ 4-го октября, письмо, въ которомъ онъ сообщилъ мнѣ слѣдующее: «Въ темную ночь, съ 4-го на 5-е сентября, я находился въ когтяхъ двухъ убійцъ, задушившихъ меня въ постели, при первомъ усыпленіи. Я самъ слышалъ свое предсмертное хрипѣніе. Прислуга нашла меня на полу, съ затянутою на шеѣ веревкой, въ полномъ отсутствіи сознанія и чув-

ства. Спасъ меня Господь Богъ! Жена моя ударила въ набатный, сторожевой колокольчикъ, и убійцы выскочили въ окна. Жена, вскочивъ съ больною ногою и со свѣчой въ рукѣ, видѣла одного въ сѣрой фуражкѣ и въ сѣрой чамаркѣ, бросившагося къ раскрытому окну, съ ружьёмъ въ рукахъ. Другой убійца выскочилъ въ окно моей комнаты и оставилъ у меня двѣ улики: веревку вкругъ моей шеи и чабанскую дубинку, кіёкъ, на полу. Это дѣло остановило нѣсколько отправку стихотвореній князя А. И. Одоевскаго, которое издаю въ пользу сиротъ-внуковъ другого товарища-декабриста».

Отъ 17-го октября 1881 г. бар. А. Е. Розенъ, на мой вопросъ, сообщилъ слѣдующія подробности этого ужаснаго происшествія:

«Отвѣчаю съ благодарностью за оказанное мнѣ участіе и за намѣреніе огласить гнусное и гадкое покушеніе на жизнь старика, давно уже созрѣвшаго къ отходу, не для личной его мести, но для предотвращенія подобныхъ случаевъ съ другими.

«Одинъ изъ злодѣевъ, приближаясь въ совершенныхъ потьмахъ къ кровати моей, слегка задѣлъ столикъ, стоявшій возлѣ изголовья, отчего я проснулся и, не видѣвъ свѣчки, закричалъ: «Кто тамъ?». Вмѣсто отвѣта, этотъ злодѣй зажалъ мнѣ ротъ рукою, другой схватилъ мою свободную руку, которою я могъ обороняться, отталкивая перваго. Все-

таки, немного отворотивъ лицо, я могъ закричать во второй разъ. Злодѣй, чтобы заставить меня молчать, втиснулъ мнѣ въ ротъ большой, средній и указательный пальцы; при этой операціи, я подалъ голосъ въ третій и послѣдній разъ. Тогда злодѣй началъ дѣйствовать, какъ Отелло: онъ всею рукою охватилъ мнѣ горло и шею, съ такою силою давленія, что я услышалъ мое предсмертное хрипѣніе и отдаленный звукъ колокольчика... Этимъ кончилось все мое сознаніе, всякое чувство, все первое дѣйствіе событія, пока я лежалъ на постели.

«Рѣшительно ничего не знаю, ничего не ощущалъ во время второго дѣйствія, когда моя добрая жена, сопутница всей моей подвижной и страдальческой жизни, теперь почти вполнѣ лишившаяся слуха, услышала, изъ четвертой комнаты отъ ея спальни, мой послѣдній крикъ и позвонила въ большой колокольчикъ. Выйдя со свѣчей, съ больною, обвязанною ногою, изъ спальни, она встрѣтила одного изъ убійцъ, который, отворотивъ отъ нея свое лицо, выскочилъ въ окно. Она ясно увидѣла фуражку и одежду молодого человѣка, съ ружьёмъ въ рукахъ; потомъ съ подбѣжавшею прислугою нашла меня на полу бездыханнымъ, съ веревкою вокругъ шеи, обтянутой въ два круга, надъ кончикомъ теплаго одѣяла.

«Сколько минутъ лежалъ я въ такомъ безжизненномъ состояніи—не знаю; но очнулся, когда уло-

жили мое тѣло въ постель и оно согрѣлось. Главный палачъ оставилъ мое окно, въ которое онъ выскочилъ, отвореннымъ; онъ оставилъ и свою веревку вокругъ моей шеи, стянутую узломъ, а на полу толстую чабанскую дубину.

«Полиція и судъ безотлагательно и усердно принялись за свое дѣло. Все зависитъ не отъ ихъ усердія, а отъ умѣнья и отъ счастья. Дѣйствія моей жены причимаю за чудо божіе. Изъ каменчанъ (жители осѣдней деревни Каменки), одни говорятъ, что Господь воскресилъ меня, другіе же причисляютъ меня къ лику праведниковъ и молятъ Бога, чтобы дѣло раскрылось, дабы уничтожить всякое неправильное подозрѣніе и предположеніе.

«*Баронъ Андрей Розенъ*».

Люди, покушавшіеся на жизнь барона А Е. Розена, донынѣ не розысканы.

Г. Данилевскій.

Апрѣль, 1882 г.